

Алекс Герберт

**панк в другом
измерении**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-3

ББК 84(0)5

Г 37

Г 37 **Алекс Герберт. Панк в другом измерении.** Байки о написании истории русского панк-рока — М.: Common place, «Библиотека Sadwave», 2019. — 120 с. ISBN 978-999999-0-98-1

«Панк в другом измерении» — автобиографическая повесть бостонского историка Алекса Герберта, изучающего историю русского панка. В этой книге описывается его погружение в чуждую и агрессивную среду панк-андеграунда (Герберт жил и собирал материал для своего исследования в Нижнем Новгороде, Москве и Петербурге), которая, как это обычно и бывает, оказалась совсем не такой, какой представлял ее себе автор-иностранец. Результатом его работы стала другая книга, «Что насчет завтра?»: сложная история русского панка представлена в ней с уникальной полнотой и рассказана словами непосредственных участников событий. Ее перевод и издание в России — дело будущего.

Главы 1 и 2 являются отредактированными версиями панк-зинов Punks Around #1: Nizhny Life и Punks Around #5: Woscom. Никакая часть этого текста не может быть воспроизведена или переведена без разрешения автора.

1

СУЩЕСТВУЕТ РАСПРОСТРАНЕННОЕ УБЕЖДЕНИЕ, что постсоветская Россия изобилует богом забытыми городами и населена людьми, не похожими на тех, кто живет за пределами славянского мира. Но если на свете и есть какая-то высшая сила, она не совсем оставила эти постиндустриальные пустынные пейзажи. Инфраструктура потихоньку разрушается, а большинство продуктов питания, наверное, загрязнены еще со времен Холодной войны, но, по крайней мере, люди живы. Легко строить предположения, если нет желания узнать кого-то получше.

Я не помню, почему именно выбрал Нижний Новгород, чтобы учиться за рубежом. Возможно, рассказы Гоголя и Тургенева создали какой-то романтический образ

русской провинции в моем воображении. Будучи из Эттлборо, небольшого городка между Провиденсом и Бостоном, гигантскую Москву, если честно, я считал слишком пугающей и, конечно, не хотел лететь в один из крупнейших городов мира и ориентироваться в железнодорожной системе, названия станций в которой записаны еще не до конца освоенным мной алфавитом. Кроме того, я представлял себе, как рассказываю людям, что учился в Нижнем Новгороде, и насколько круче это звучит, чем «я учился в Москве» — таким-то мог похвастаться кто угодно.

Шел 2012 год, я встречался с девушкой, к которой я очень привязался в старшей школе — прямо как любой другой Алекс, которого вы когда-то встречали на своем пути. Она была остроумна, но сдержанна, или, может быть, она никогда не чувствовала себя так комфортно со мной, как мне хотелось думать. Она выглядела довольно стандартно: темные волосы, карие глаза и тот тип фигуры, который, вероятно, с возрастом не станет выглядеть хуже (в отличие от моего). Мне не хотелось оставлять ее в нашем маленьком городке, отправляясь «в Европу» на

три месяца, но я был молод и одарен достаточной интуицией, чтобы воспользоваться хорошей возможностью, когда она сама идет в руки. Кроме того, технологические достижения последних двадцати лет гарантировали, что мы сможем поддерживать связь, по крайней мере, виртуальную. Но, конечно, это гораздо проще *сказать*, чем испытать на деле полную зависимость от технологий в общении.

Я был настолько задерганным и нервным, когда мы расставались у гейта в аэропорту Логан, что после обязательных объятий и поцелуев я отвернулся, просто пробормотав: «Ну, пока, увидимся». Пристегнув ремень в самолете, я понял, что столь ожидаемые слова «я люблю тебя» я так и не произнес. Считайте это небрежностью — признаком подростковой страсти, или способностью к забвению — чертой, которая с возрастом не исчезает.

В ТОТ МОМЕНТ МОЕЙ ЖИЗНИ ПАНК-РОК включал в себя друзей, музыку, вечеринки и разные глупости. Я играл на барабанах в школьной панк-группе и гордился тем, что был тем самым парнем, ко-

торый любит малоизвестную быструю музыку, готов щеголять ирокезом в пригороде и вступает в драку с празднующимися полицейскими (по крайней мере дважды). Нас с товарищами было немного, но достаточно, чтобы наладить связи и получить доступ к гораздо более широкой сети панков и скинхедов по всей стране. Каждую пятницу вечером вы могли найти нас в самой задрипанной забегаловке Провиденса — там мы обменивали деньги, которые мы не заработали, на выпивку, которую нам не должны были продавать, а плоды трудов наших родителей — на траву. Иногда я представляю, какие огромные суммы мы все потратили впустую за те три или четыре года. Официантки, приносившие напитки, годились нам в матери, но флиртовали с нами, как девчонки. Мы гордились собой, полагая, что наша жизнь, состоящая из драк, крушения почтовых ящиков, громкой музыки и заигрывания со взрослыми женщинами, гораздо интереснее обычной жизни наших одноклассников.

Но к 2013 году я довольно сильно разочаровался в безрассудной стороне своего панковского существования. Примерно тог-

да я понял, что хочу продолжить профессиональную карьеру и, вероятно, заняться наукой — мне казалось, что именно она дает больше всего свободы, чтобы путешествовать и заниматься исследованиями. И, хотя я никогда не переставал слушать панк, я перестал посещать концерты и следить за творчеством местных музыкантов. Чем старше я становился, тем больше мне казалось, что концерты были просто местом встреч с друзьями, а не поводом послушать музыку. Но музыка всегда оставалась для меня ориентиром, к которому я обращался в трудную минуту, словно к Священному Писанию; она формировала мою картину мира. Все мои друзья признавали эту связь и разделяли мои взгляды, но немногие из них понимали, что моральные ориентиры и конкретное направление — далеко не одно и то же.

К тому времени я изучал русский язык всего лишь год и увлекался историей России, но ничего не знал о русском панк-роке и даже не предполагал, что он существует. Большинство знакомых мне людей, могущих рассказать что-нибудь о России, обычно называли только группу «Кино» и других тошнотворных представителей традиционного

русского рока. Я говорю «тошнотворные», потому что эта музыка подражала западным группам вроде The Beatles, Television, Led Zepplin и прочим «великим», а также потому, что искусство состояло не в звучании или в какой-то идее, которую они пытались передать, а в текстах. Русский рок был местом для поэтического выражения, а это всегда меня бесило.

Я ПРИСТЕГНУЛ РЕМНИ и приготовился провести восемь часов в воздухе. Все время авиаперелета в Нижний я находился в предвкушении чего-то, чему предстояло случиться — наверное, это было самое долгое ожидание за всю мою жизнь. Вылетев из Франкфурта на восток, я рассматривал пейзаж, замечая все меньше и меньше примет цивилизации. В какой-то момент шахматная доска ферм, городов и дорог, характерная для США и Западной Европы, уступила место бескрайним лесам. Я продолжал бездумно таращиться в окно, пока не стемнело и пилот не объявил, что мы находимся в российском воздушном пространстве. Прямо рядом с самолетом разразилась гроза, и я видел, как молнии сверкают в тучах

в нескольких футах от окна. Я представил себе, как одна из них попадает в самолет, и он пикирует, врезаясь в русскую бездну. Найдут ли мой труп и доставят ли его на родину?

Несмотря на молнии, пилот вознамерился посадить самолет и провел нас прямо сквозь грозу. Вынырнув из туч, он приземлился с таким шумом, который бывает, когда гравитация решает снова собрать все части лайнера воедино. Я отстегнул ремень безопасности.

В те времена в Нижнем Новгороде аэропорт еще находился в зачаточном состоянии. С точки зрения архитектуры он напоминал забегаловку где-то на просторах Америки, только с брошенными вокруг машинами и одной посадочной полосой. Самолет докатил до дряхлого микроавтобуса, который кое-как вместил в себя половину пассажиров. Я подумал, что правильнее было бы автобусу доехать до самолета, но, впрочем, какая разница?

Когда я оказался в здании аэропорта, меня начали чуть ли не допрашивать.

— Откуда вы? — спросила пограничница с холодным лицом опытного бюрократа.

— Соединенные Штаты Америки, — ответил я, впервые в жизни полностью произнося название моей страны.

— Что вы будете делать в Российской Федерации?

— Я здесь по программе обучения за границей, чтобы выучить русский язык в лингвистическом университете.

Когда она взяла мой паспорт, я почувствовал ее пальцы — они были как наждак. Представьте руки человека, который каждый день сидит в закрытой кабинке и перебирает чужие загранпаспорта, и тогда вы поймете меня.

Тогда в первый и последний раз я увидел человека моложе пятидесяти, который использует губку для смачивания пальцев.

«Пожалуйста, подождите там, — сказала она, указывая на одинокое сиденье, — Вы получите свой паспорт через минуту».

Я сидел, обдумывая вероятность обыска каким-нибудь крепким мужланом или высылки из страны еще до того, как я смог в нее въехать. Я искал другого носителя английского языка — соотечественника, который мог бы облегчить мое беспокойство. Все вокруг — лица, напольное покрытие и формальности — было мне незнакомо.

Затем я увидел человека, ворвавшегося через заднюю дверь, с моим паспортом в одной руке и телефоном, прижатым к уху, в другой. Он кричал около пяти минут — я понятия не имел, что он говорил, — а затем бросил мой паспорт (собственность правительства США, между прочим) обратно пограничнице, которая жестом позвала меня к себе. Сам я никогда не придавал большого значения материальным вещам, тем более правительственным, но такое отношение к паспорту все же обидело меня. Что дало ему право так бросаться моими вещами?

К счастью, меня пропустили с улыбкой. Наверное, бисер пота на моем лбу и бледно-зеленый цвет лица заставили ее улыбнуться сильнее, чем то, что она получила разрешение впустить меня в страну. Еще мне хотелось в туалет, но хватало ли времени? К тому же это никого не волновало. По пути от аэропорта до комнаты в общежитии я так и не увидел и не услышал ничего утешительного. Было уже 2 часа ночи, когда я наконец сходил в туалет и бросился в постель лицом в подушку. Я даже не смог позвонить домой. Честно говоря, я и не вспомнил об этом.

Я ПРОВЕЛ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ УЖЕ ДВЕ НЕДЕЛИ, но так и не смог позвонить семье в Штаты. Интернета в моей комнате не было, и мне не удалось подружиться с кем-нибудь из усталых, спящих по коридорам студентов, которые могли бы мне помочь. Ежедневно я сидел с блокнотом и ручкой за общим кухонным столом, составляя заметки к подробному дневнику, который я намеревался вести для своей девушки. Люди готовили еду, постоянно стоя ко мне спиной, а потом уходили с ней в свои комнаты.

Сейчас я думаю, что мое молчание и странный вид, вероятно, вызывали неловкость.

Днем каждый занимался своими делами, зато ночью, когда вахтерши засыпали в своих каморках, общага превращалась в зоопарк. Все живущие в округе поджидали женскую часть общежития на крыльце и планировали, куда сходить, когда девушки отвергали их ухаживания. Именно на этом крыльце я познакомился со своими самыми близкими российскими друзьями. Здесь же я начал разбираться в местной общественной жизни.

ЧАСТО СТЕРЕОТИПЫ ОСНОВАНЫ НА СЛУХАХ, НО ИНОГДА ОНИ НЕДАЛЕКИ ОТ РЕАЛЬНОСТИ.

Я слышал от научного руководителя и прочих, что финны в России ведут себя особенно отвязно. Предположительно, это идет еще с советских времен, когда финны пересекали Балтику, выпивали много дешевого алкоголя и уплывали обратно, оставляя после себя полную разруху. Часто стереотипы основаны на слухах, но иногда они недалеко от реальности. Например, в конце коридора жил финский парень Александр. Каждый день он грелся на балконе, впитывая теплые лучи летнего нижегородского солнца (он все-таки был из Финляндии). Мне удалось поговорить с ним несколько раз, и он не показался мне каким-то необычным. Обычный красивый парень, пара друзей среди местных – судя по всему, он просто убивал здесь время. Вот тебе и стереотипы, думал я.

Но момент истины настал всего через пару недель моего пребывания в общежитии. Однажды ночью, после одиннадцати, его финская ярость прорвалась с особенной силой. Я старался не привлекать к себе

лишнего внимания, будучи в России всего две недели, но я слышал и видел, какой беспорядок он учинил.

Александр напился в хлам и выбросил кровать и стол из окна шестого этажа. Утром я первым делом вышел на улицу, чтобы выкурить сигарету и послушать последние новости. Конечно, никто не говорил по-английски, а моего русского было явно недостаточно, чтобы понимать ребят, но, когда они указали на его кровать и засмеялись, все стало ясно и так.

Благодаря Александру я понял, что город был не совсем таким, как мне показалось. Это происшествие сыграло для меня большую роль, поскольку продемонстрировало, что люди здесь не отличаются от моих американских друзей — они способны на те же безрассудства и, что важнее, на хорошую шутку. После отъезда Александра я стал менее замкнутым. Через несколько дней я встретил свою первую русскую подругу Машу.

ОДНАЖДЫ УТРОМ, КОГДА Я СИДЕЛ НА ОБЩЕЙ КУХНЕ, пришел хорошо сложенный парень с сумкой, полной ово-

щей и фруктов. Он представился Яковом и спросил, тот ли я самый американец или нет. Меня застали врасплох, но, по крайней мере, я был благодарен, что кто-то готов поговорить со мной.

— Откуда именно?

— Этгл... э-э, Бостон, — сказал я, не ожидая, что он знает Этглборо или Провиденс.

— Бостон Брюинз! Отличная команда, — воскликнул он в ответ, вспоминая единственное, что знал о Новой Англии. — Давно ты здесь? Пробовал уже какую-нибудь русскую еду?

— Я в Нижнем уже две недели и толком еще ничего не видел. Мне удалось погулять по городу, но я не знаю хороших ресторанов, — я пытался говорить по-русски, но выходило не очень удачно.

— Лучшая еда за городом, в деревне — там по-домашнему. Вот мой отец привез мне овощей, — сказал он, показывая сумку. — Хочешь чего-нибудь? Я могу приготовить тебе что-нибудь русское прямо сейчас.

Я сказал, что я веган и что не надо использовать сливочное масло для приготовления овощей, а так я бы съел что угодно. До этого я ходил в продуктовый магазин в по-

искал знакомой еды, но никогда до конца не был уверен, что покупаю именно веганские продукты — я не мог понять названия всех ингредиентов. Я налегал на сырые фрукты и овощи, потому что не хотел использовать чужие кастрюли и сковородки.

Яков направился к холодильнику и вытащил из него кучу специй, солений и овощей. Он налил растительного масла на сковороду и налил в кастрюлю воды. Как только вода закипела, он бросил в нее несколько клецок и начал резать овощи так быстро, как будто только этим всю жизнь и занимался.

— Это называется *вареники*, — пояснил он, указывая на кипящую кастрюлю, — они обычно веганские, но иногда содержат яйца, смотри внимательно на этикетку. Самые вкусные — без яиц, с начинкой из картошки с грибами.

Он продолжал резать овощи и бросать их в огромную сковороду, поливая все маслом и бросая следом горсти укропа.

— Тебе нравится стрит-арт? Я рисую граффити по городу; если хочешь, можешь помочь. Я отвезу тебя завтра и покажу мою работу и работу моего друга Артема.

— Конечно, — ответил я, стремясь подружиться. Я знал людей, которые были граффити-художниками, но никогда особо не стремился вникнуть в этот вид искусства. В любом случае, наконец-то кто-то хотел подружиться со мной; я воспользовался возможностью.

Яков сел за стол с двумя тарелками овощей и вареников, залитых кетчупообразным соусом, который русские едят с пельменями; на закуску он предложил мне попробовать соления.

— Все очень вкусно — твой папа и это привез?

— Нет, он привез только овощи. Все остальное я просто взял из холодильника.

Я на секунду замолк.

— Это твое?

— Нет.

Мы улыбнулись друг другу и просто продолжили есть.

ДРУГ ЯКОВА АРТЕМ СРАЗУ ПРИЗНАЛ во мне панка. Их работы и правда были классными, но когда Артем сказал, что в Нижнем Новгороде есть панк-группы, я, разумеется, сразу забыл о граффити. На-

верное, потому, что панк-рок казался чем-то родным и знакомым — чем мог русский панк-рок отличаться от американского? Артем сказал мне, что слушает больше Чарли Мэнсона, но знает некоторых панков и познакомит меня с ними.

«Мне не нравится эта музыка», — сказал Яков, так что идти с нами он не собирался. Он занимался чем-то другим у себя на кровати, обложившись книжками Чехова и Алексея Толстого. «Я познакомлю тебя кое с кем», — заключил Артем.

Ходить на панк-концерты с кем-то, кто не разделяет твоей страсти, всегда сложно. Такие люди обычно забиваются куда-то в уголок и взирают оттуда на все происходящее с шоком, ужасом и отвращением. Я никогда не понимал этого, потому что чувствовал, что люди просто закрываются от непосредственной человеческой энергии и открытого проявления эмоций. Возможно, они просто получали адреналин откуда-нибудь еще.

Мы с Артемом договорились встретиться у общежития около восьми вечера. К тому времени я уже успел выпить несколько банок пива и подружиться с парой студентов, и снова почувствовал уверенность в себе.

План состоял в том, чтобы сесть на автобус до местного парка, как только стемнеет. Сначала мы должны были встретиться с группой ребят, которые устраивали концерт, а дальше они бы проводили нас.

В парке ко мне подошел высокий тощий парень во всем черном и посветил мне фонариком прямо в лицо. Он спросил на ломаном английском: «Американец? С кем ты пришел?» Я ответил утвердительно и указал на Артема.

Он кивнул с улыбкой и спросил, готов ли я увидеть *Party Breaker*, главную хардкор-панк команду Нижнего Новгорода. Я понятия не имел, что играют Party Breaker, но я очень хотел их услышать. В моем рюкзаке болтались два литра пива и нераспечатанная пачка сигарет «Русский Стиль» — горючее для моего посвящения в мир русского панк-рока.

Казалось, что мы шли несколько миль и пересекли целый город: через лес, по холмам, по полю, пока не дошли до трех краснокирпичных домов. Здания выглядели ветхими и заброшенными. Можно сказать, богом забытыми. Вряд ли в них было электричество. Я подозревал, что тут-то мне и придет конец, что ребята

меня убьют и ограбят, думая, что я богатый американец и шпион в придачу.

Когда мы подошли к зданию, я увидел группу молодых женщин с ирокезами и густо подведенными глазами, курящих у входа. Они не смотрелись устрашающе, скорее знакомо, как те девушки-панки, которых я видел в Америке: черные ботинки, черная одежда и пренебрежительный вид. Такие девушки мне не нравились, но им всегда можно поплакаться в жилетку.

Наконец-то хоть что-то знакомое.

Артем знал кое-кого из публики, но явно не принадлежал к панкам. Он просто пришел сюда ради меня. Когда мы вошли в здание, я заметил удлинитель и последовал за тянущимся проводом вверх по лестнице до тускло освещенной комнаты 10 на 10 метров, заставленной усилителями. Потолок обвалился и кое-где виднелись балки, висящие вертикально, совсем не так, как задумал архитектор. В комнате было очень мало места и поэтому народ перемещался из одного угла в другой. Все обернулись в мою сторону, увидев неизвестного персонажа в футболке с надписью «*Annihilation Time*».¹

1 «Время уничтожения» (англ.)

Группа начала играть, и кто-то мгновенно запрыгнул на чьи-то плечи, схватившись за потолок и отдирая целые куски дерева и отсыревшей штукатурки. Освободилось место для группы и казалось, что небольшая комната расширилась. Некоторые люди расчищали путь, в то время как другие вовлекались в этот водоворот. Я оглянулся на Артема, но его нигде не было видно — типично для человека, которому подобные вещи не нравятся, но прощительно, учитывая все его усилия.

Около двадцати минут я в изумлении наблюдал за тем, как комнату раздербанили настолько, что западные панки могли бы только позавидовать. Это был настоящий беспредел, безбашенный и явно опасный. Я прыгнул в самую гущу толпы.

После того, как группа отыграла, я вышел на улицу выпить свое пиво и выкурить сигарету, несмотря на то, что все остальные курили и выпивали в самом здании. Иногда в мире полного хаоса порядок — единственный способ существования. Я подошел к фронтмену группы, чтобы сказать ему, что я впечатлен, и предложил ему глоток пива и сигарету. Он отказался и поблагодарил меня за то, что я пришел на их концерт.

Я затушил окурок, внимательно вслушиваясь в разговоры вокруг меня. Какие-то отдельные фразы я понимал, но все же нуждался в переводчике, которого со мной не было. Артем ушел, а я пил свое пиво среди заброшенных незнакомых конструкций. Я понятия не имел, как вернуться в общежитие и даже не знал его адрес. У меня оставались еще литр пива и полпачки сигарет, так что я был доволен.

С ТОЙ НОЧИ Я ПОДРУЖИЛСЯ С НИЖЕГОРОДСКИМИ ПАНКАМИ, которые сделали мое пребывание в России более комфортным. Они помогли мне подключиться к интернету, связаться с домом и найти веганскую еду. Мы ходили по барам и клубам, и я узнавал, что именно русские говорят о панк-роке и как они его определяют.

Однажды ночью по дороге на концерт мои друзья решили остановиться, чтобы купить дешевой шаурмы. Туго набитый начинкой лаваш превосходил размерами даже американские мегапорции. Впереди нас в очереди четверо или пятеро парней начали обзывать продавца-кавказца, угрожая разбить витрину. Мы думали, что ссора уляжется, и вы-

жидали, когда ребята наконец уйдут, но тут один из них взял камень и бросил его прямо в витрину. Раздался звук бьющегося стекла, и хрустальные брызги осколков хлынули на землю.

Тут уже мои друзья начали действовать, хватая разбушевавшихся, чтобы помочь шаурмисту. Я снова самоустранился, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания — я был иностранцем, а до моего возвращения домой оставалось всего несколько дней. Это стало моим первым столкновением с русскими фашистами и полицейскими. Последние арестовали вандалов-расистов и отпустили нас благодаря показаниям владельца кафе.

Ко времени отъезда мой разговорный русский улучшился раз в десять, и я узнал много нового о русской культуре и музыке. По счастливой случайности я поссорился со своей девушкой за два дня до рейса. Я не помню, из-за чего мы ругались и думаю, что просто сделал из мухи слона. Во всяком случае, она рассталась со мной на следующий день. Ирония ситуации состояла в том, что мне понадобилось так много времени, чтобы привыкнуть к России, и когда я наконец это сделал, я должен был вернуться в мир, кото-

рый стал мне гораздо менее знакомым в том числе из-за моей личной жизни. В некотором смысле то, что было чужим, стало родным, а то, что было родным, стало чужим. Русский панк вывел меня из состояния одиночества в России, но это не могло спасти меня от одиночества в США.

В тот вечер, когда я вернулся, начались бесконечные вечеринки и пьяные глупости. Будучи снова брошенным в незнакомый мир (который одновременно являлся и смутно знакомым), я полагался на обильное количество алкоголя и — иногда — наркотики, чтобы хоть как-то справиться с проблемами, которые наваливались на меня каждый день. Конечно, дело было в чем-то большем, чем в расставании с подружкой, — я в целом потерял ориентиры и чувствовал отчуждение от всего, что раньше считал родиной. В двадцать три года я снова оказался в родительском доме, и ничто, кроме панк-рока и опыта жизни в России, не помогало мне держаться на плаву. Панк-рок обеспечивал кодекс поведения, но никуда не вел. Концерты превратились в повод сесть к друзьям на хвост по дороге домой и вести себя по-идиотски. Музыка стала для меня просто

предлогом шумно буйствовать, но в ней еще оставалось что-то сакральное.

Я смутно помню тот вечер, когда у меня возникла идея написать книгу по истории русского панк-рока. На самом деле, она пришла не мне в голову — ее мне подсказал лучший друг, когда мы курили на улице.

— Да, чувак, это было чертовски круто, я могу написать целую книгу о русском панке, — похвастался я.

— Так напиши, — предложил Томми. — Это же можно сделать по-разному, и совсем не обязательно быть Воннегутом, нужно просто суметь рассказать.

Томми не изучал историю, в отличие от меня. Думая о своей книге, я представлял серьезную монографию, посвященную психологической составляющей русского панк-рока и ее развитию во времени, — и не собирался уделять внимание свидетельствам современников, хотя они в общем-то и определяют жанр истории сцены.

Я, как обычно, сменил тему, но идея Томми мне запомнилась. На что похожа история русского панка? Насколько показателен мой опыт? Я изучал русскую культуру достаточно долго, чтобы понять: большинство «экс-

пертов» совсем не ожидали увидеть в России панк-сцену, а если ожидали, то ни один из них не имел к ней доступа. В то время я просто плыл в пустоте, медленно дрейфуя к бесполезной степени бакалавра и пытаюсь понять, на что я способен, кроме потребления большого количества горячительных напитков и ссор с друзьями. Я должен был вернуться в Россию, чтобы узнать это.

2

НА НАБЕРЕЖНОЙ МОСКВЫ-РЕКИ
ночью можно встретить разных персонажей. Пьяницы, студенты, проститутки, наркоманы и панки нарушают отражение луны в воде, отпугиваемые слепящими огнями полицейских машин. Это город, который никогда не спит; лишь по утрам пожилые дворники убирают следы ночной жизни молодежи. Это город средоточия власти, величавый и великодушный, который придает сил местным и смиряет иностранцев. Распространенность в Москве красного цвета — это стереотип, который справедлив, но я не уверен, что это как-то связано с коммунизмом, скорее со злобой, которая прячется в каждой выбоине и трещине ее грязных проспектов. Она гордится тем, что является

городом удачи и возможностей. Она может дать тебе все, но может все и отобрать. Москва похожа на друга, который хочет проверить, отвечаешь ли ты за свои слова, а если тебе это не удастся, она не верит слезам. Все великие русские писатели уезжали из Москвы в Санкт-Петербург, что лишний раз доказывает, что в Москве нужно иметь больше мужества.

Задаваясь вопросом, что такое русский панк, я провел следующий год дома, работая и копя деньги, чтобы вернуться в Россию. Я не просто собирался исследовать панк-сцену, я готовился сделать это в Москве, самом большом городе Восточной Европы.

Как обычно беря инициативу в свои руки, я написал по электронной почте директору Государственного исторического музея на Красной площади, чтобы выяснить, нужны ли им стажеры. Оттуда ответили, что обычно не берут иностранцев, но для меня сделают исключение.

Отличное предложение, но, черт возьми, как же я их потом разочаровал.

Некоторое время я жил в Москве инкогнито. Друг из Нижнего Новгорода познакомил меня с одним из своих друзей, который

хотел выучить английский, а в обмен был готов поселить меня у себя бесплатно — я оказался достаточно стеснен в средствах, чтобы так и поступить. Прямо с самолета я поехал к Артему и познакомился с ним, его сестрой и матерью и договорился о том, чтобы жить с ними в *Долгопрудном*, в часе езды от центра. Я согласился жить так далеко от места стажировки, потому что хотел почувствовать, каково это — ездить на работу и обратно так, как большинство москвичей. Сначала я должен был втиснуться в пригородную электричку, забитую до отказа чрезмерно надушенными людьми, и проскользнуть мимо цыган, занимающих большую часть вагона. Некоторые относились к ним неодобрительно, но я не придавал значение — сказывалась новизна. После пятидесяти минут в электричке предстояло спуститься в метро и сделать две пересадки, чтобы выйти в центре. И пройти еще десять минут пешком до места моей временной бесплатной работы.

Каждый день в течение трех недель я проходил мимо одного из крупнейших торговых центров Москвы, посмеиваясь над толпой, демонстративно шуршащей пакетами с надписями Lacoste, Adidas и Nike,

поражаясь уровню консьюмеризма, достигнутому всего за двадцать два года. Я старательно избегал этого торгового центра из-за его размера и популярности, но в конце концов все же в него зашел. По правде говоря, постоянное хождение пешком не пощадило мои «конверсы», а пятки я стер в кровь. Мода — дорогое удовольствие, но соответствие определенной субкультуре требует жертв. Мне нужна была новая обувь, а где же купить ее, как не по дороге на работу?

Оказавшись внутри, я превратился в потребителя. Меня притягивали магазины, в которых я никогда не был, даже в Соединенных Штатах. «Topman»? «Pull and Bear»? Что это за места и продают ли там недорогие кроссовки? Наконец, я заметил магазин «Levi's» и подумал, что там можно купить приличную обувь, которая не развалится за месяц. Я вошел, и меня сразу потянуло к красивой куртке из хрустящей джинсы с латунными пуговицами — ее демонстрировал манекен, с которым у меня было мало общего. Я решил, что скоро мне понадобится и сумка Levi's.

Ко мне подошла женщина с татуировками и спросила: «Хотите примерить курт-

ку?» Она знала, что я хочу, но ей надо было услышать это от меня.

— Да, но только черную, — ответил я по-русски.

Она немного изменилась в лице, а потом снова начала улыбаться. Она поняла обо мне что-то, чего, возможно, я сам не понимал.

— Откуда вы? — спросила она.

— Сэ-Шэ-А, — ответил я, что было не так-то просто из-за обилия шипящих и свистящих.

Она отвела меня в примерочную, чтобы я померил куртку. Я понял, что она догадалась о моем увлечении панк-роком по татуировкам, поскольку у нее самой были похожие. В тот короткий миг джинсовая куртка свела нас вместе, потому что мы происходили из одного мира.

Я вышел из примерочной с курткой в руке, готовый заплатить за нее. Рядом с девушкой стоял парень, покрытый татуировками от шеи до лодыжек, в бейсболке задом наперед, будто прямиком из панк-клипа.

— Привет, чувак, тебе нравится панк? Меня зовут Алекс², — практически прокри-

2 Алексей Митин, студия «East Beat Records» (прекратила свою работу в декабре 2017 г.) (прим. пер.).

чал он, протягивая мне руку в знак приветствия. Мы поговорили о любимых группах, поджанрах панка, которые считали новаторскими и том, чем мы занимались в своих тусовках. Большинство групп, которые он перечислил, казались мне довольно слабыми, но, как я вскоре узнал, русским панкам плевать на то, кому и каким образом музыканты «продаются».

— Ты был на панк-концертах в Москве? У нас их много проходит, почти каждый вечер. Я совладелец рекорд-лейбла, и мы часто приглашаем к себе музыкантов поиграть концерты. В субботу будет играть очень популярная группа из Санкт-Петербурга, **Коматоз**. Хочешь, чтобы я провел тебя бесплатно? Можешь пойти со мной и Машей, — сказал он, указывая на девушку.

Бесплатно? Билет стоил двести рублей или четыре доллара. В моей жизни было много концертов, когда я хотел бы, чтобы мне не приходилось платить целое состояние за билеты, но четыре доллара — это не та сумма, которую я собирался экономить. Если известные группы играют за четыре доллара, черт, тогда я готов купить два билета. Дело не в том, что я хотел похвастаться

западным богатством; просто всем группам, где бы они не играли, нужна поддержка.

КОМАТОЗ ВО ГЛАВЕ С ПЛАМЕННЫМ ФРОНТМЕНОМ, который с тех пор извлек немало выгоды из своего сходства со средневековым викингем, соединяли металл и D-Beat. Это было энергичное шоу в небольшом клубе, на которое пришли и стар и млад. По слухам, гитарист Коматоза в то время играл лучше всех своих коллег, и он действительно знал, как извлекать из струн нечто большее, чем просто ритм.

После неудачной попытки убедить меня пройти бесплатно, Алекс предложил мне хлявный мерч, от которого я тоже отказался.

Футболки и диски были хорошими: в них сочетались мастерский дизайн и грамотная работа тех, кто их печатал и упаковывал. Я понял, что Алексу доставляло удовольствие привести с собой американца, и мог бы легко этим воспользоваться, но чувствовал, что это испортило бы мне карму. Москва проверяла меня.

И если считать Москву игрой, Алекс в ней, похоже, выигрывал. Пока группа играла, он старался стоять позади них на сцене,

показывая, кто тут хозяин. По мне, если кто-то стоит позади музыкантов, кроме их родственников, то это лишь усиливает барьер между группой и зрителями, который панк так успешно преодолел еще в 1980-х.

Алексей, солист Коматоза, сразу же нырнул в зал, и все выступление гитарист лежал спиной на руках толпы, выдавая самые забористые риффы, которые я когда-либо слышал в панке. Алекс же остался на сцене позади группы, кивая головой и иногда поднимая кулак, чтобы добавить силы тексту песни. Мне казалось, что его поза являлась воплощением его статуса в панк-тусовке: он стоял особняком, но был наделен чувством собственной значимости. Он получил такой статус только благодаря своей роли в организации концерта. Я подумал, что это не очень круто, но тут пришло время и мне нырнуть в толпу.

Барабаны и гитара объединились против баса, чтобы выяснить, кто будет доминировать. Внезапно барабаны решили сменить тему, взять на себя инициативу и объявили толпе: «Теперь мы заставим вас танцевать». Алексей смотрел в зал безумными глазами, провоцируя парней, которые уже

наливались агрессией. Прозвучали слова: «Кто дал им право?», снабжая всех зрителей (включая кулак Алекса) удобной мантрой. Охваченный эйфорией, я обнял Баги, совладельца лейбла Алекса, и дальше мы прыгали в обнимку³.

В какой-то момент я потерял ботинок. В таких ситуациях лучший способ решить проблему — поднять оставшийся над толпой в надежде, что кто-то перебросит тебе пропавшего собрата в знак доброй воли, сочувствия или просто из здравого смысла. Вот она, карма. Недолго мне прослужили новые ботинки.

Москва вела 2:0, она продолжала пресинг, и мне оставалось только надеяться на отчаянную контратаку. После концерта Алекс, Маша, Баги, я и еще несколько человек отправились по барам вокруг Ленинки, собираясь выпивать всю ночь напролет. К тому времени я уже опоздал на электричку в Долгопрудный, так что не имело смысла притворяться, будто мне есть куда пойти. Мы выпивали одно дрянное пиво за другим и слушали рассказы друг друга о панк-кон-

3 DJ BAGI. Лейбл «Bagi Shuma Net Records», независимая студия панк, ска, Oi! и регги (прим. пер.).

цртах, обмениваясь глупыми шутками и слухами о наших любимых группах. Я получал представление о том, что такое панк в Москве и в остальной России, а они удивлялись коммерческому успеху групп из США. Они не верили, что панк может приносить прибыль, а я не верил, что панк не приносит прибыли в самой большой стране мира. Мне казалось, что те несколько концертов, которые я посетил, не шли ни в какое сравнение с тем андеграундом, о котором говорили они, с настоящей DIY-культурой, отрицающей все существующее и стремящейся создать альтернативу грязи мира, в котором они жили.

У меня в голове играла «Underground»⁴ Тома Уэйтса, и я понимал, что обнаружил панк-сцену, гордящуюся своей способностью до сих пор оставаться вдали от российского мейнстрима.

Это была альтернатива панку Запада. На мой взгляд, нигилизм западного панка уже давно в значительной степени коммерциализован, и относительная ценность панка теперь определяется продюсерами, менеджерами, лейблами, радиостанциями, телеканалами и хит-парадами. Понятия панка

4 «Подполье» (англ.)

и мятежа настолько слились в сознании обывателей, что само слово «панк» потеряло свою революционную привлекательность и ценность. Теперь *под самим словом* «панк» понимают подрывную деятельность, и всякий подрывной элемент может им прикрываться. Кто дал им право отбирать понятие «панк» у тех из нас, кто дорожит своими местными панк-сценами и поддерживает их? Если в России нигилизм панк-андеграунда еще может когда-нибудь спровоцировать масштабные перемены в культуре и обществе, то на Западе его потенциал исчерпал себя давно, возможно, еще в 1990-х годах.

Внезапно Маша вернула меня на землю.

— На выходных мы собираемся на фестиваль за город. Я буду торговать веганскими хот-догами. Поможешь мне?

Кто бы мог подумать, что в России есть веганские хот-доги? Москва оказалась совсем не такой, какой я ожидал ее увидеть.

ЗА ДЕНЬ ДО ФЕСТИВАЛЯ Я ВСТРЕТИЛСЯ с Машей у станции метро, и мы прошли с ней десять кварталов, чтобы купить соевое мясо в подвальном магазине веганской еды. Место было грязноватое и пу-

стоватое, но гораздо более современное, чем любое из заведений, подававших «высокую» кухню и лучшую в стране икру.

У Маши были пронзительные зеленые глаза и короткие каштановые волосы с синим и светлым мелированием. Обычно она носила рубашки «Fred Perry» и ходила с видом человека, работающего в бутике «Levi's». Начнись вдруг феминистское панк-восстание против российского женоненавистничества, Маша стала бы его лидером или, по крайней мере, генералом. Единственный недостаток заключался в том, что наша роковая женщина не была москвичкой; она не участвовала в игре на выживание, жертвой которой становились все местные и невольно стал я. Родом из Петербурга, утонченная и прогрессивная, она застряла в городе, который был таким же чужим для нее, как и для меня, из-за своего парня, внешность которого не очень-то походила на внешность киногероя. Как она не поддалась злобе и горечи этого красного мегаполиса, я никогда до конца не пойму, но, думаю, что какая-то связь с веганскими хот-догами есть.

Шесть человек набились в крошечную «Ладу» и поехали за город, ехать нам пред-

стояло полчаса за МКАД. Все шло хорошо, пока Петр, наш водитель, неожиданно не съехал с шоссе в луга. Лада, пожалуй, худший автомобиль из когда-либо созданных человеком, поэтому я не особо верил, что машина поедет туда, куда хотел Петр. Пять раз наша машина застревала в грязи, покрываясь все более толстым слоем месива из травы, земли и сена. Но где-то на полпути мы все решили, что съехать с дороги и колесить по лесу было даже весело, при этом пассажиров подбрасывало так, что они рисковали вылететь из машины. Я воспользовался своим привилегированным положением гостя и уселся на переднее сиденье.

Мы приехали рано, чтобы успеть расставить столики для продажи еды и мерча для Баги и Алекса. Вскоре все больше людей стали заполнять поляну, они приезжали на машинах, лязгающих микроавтобусах, велосипедах, а иногда приходили пешком из леса. Я занял место между двумя столиками, скрестив руки на груди и ожидая, пока не подойдут голодные волки, готовые подкрепиться веганским мясом.

И, конечно же, около часа дня очередь панков выстроилась перед стойкой с хот-до-

гами. Мне нравилось верить, что популярность еды была обусловлена повсеместностью веганства в русском панке, но потом мне пришлось признать, что многие из них просто хотели поговорить со мной. В первый раз в моей жизни я чувствовал, что люди интересуются мной не потому, что я делал что-то особенно крутое, а потому что я, «американец из Бостона», продавал постные хот-доги на русском панк-фесте в лесу.

Одетый в бейсболку и джинсы, парень двадцати с чем-то лет с рюкзаком на одном плече — я слишком часто видел такой типаж, и вот теперь он привязался ко мне в русском лесу. Один из тех, кто проводит слишком много времени, читая в интернете об истории малоизвестных групп и никогда не ходит на живые концерты. Он критикует все фанзины, альбомы и концерты, ничего не создавая самостоятельно. Я оптимист и думаю, что причина не в том, что такие, как он, ни на что не способны. Возможно, под этой оболочкой и атрибутикой спрятан второй Чарльз Буковски или Джо Страммер.

В любом случае, я искренне пытался помочь Маше, так как она была завалена заказами, и капризные панки уже высказыва-

лись о скорости обслуживания. Но ведь это всего лишь стойка с хот-догами в лесу, а не сетевое кафе быстрого питания!

А тут этот парень задерживает всех, демонстрируя мне свои знания о панке и политике.

НЕ СУЩЕСТВУЕТ ВЕЖЛИВОГО СПОСОБА ПРЕРВАТЬ РАЗГОВОР

Я впал в раздражение, так как несколько раз намекнул ему, что готов вернуться к разговору после того, как закончатся хот-доги. Не существует вежливого способа прервать разговор. Бьюсь об заклад, что даже Гитлеру, величайшему мудаку в истории человечества, было трудно просить свое окружение замолчать. Наконец, на целых две минуты воцарилось молчание, пока, в отчаянной попытке возобновить беседу, он не просил: «Зачем тебе эти неудачники?»

К тому времени я понял, что московская панк-сцена расколота на группки элитарных придурков, мнящих себя более умными, талантливыми и знающими, чем их коллеги, впрочем, так же, как и на Западе. Но тут

моему терпению пришел конец, и, будучи в лесу, вдали от властей, я решил защищать Машу, Алекса и Баги.

Прежде чем я успел ответить, Алекс с парой кастетов на руках выскочил вперед и ударил парня прямо в лицо. Толпа расступилась перед нами как воды Красного моря перед Ноем, в то время как наш грозный музыковед упал наземь. От этого падения даже задрожала земля. Кастеты как быстро появились, так мигом и исчезли в кармане Алекса, будто он стремился завоевать доверие толпы, но все понимали, что простым ударом кулака человека так не свалишь. Уж поверьте, когда вас ударили кастетом, вы и все окружающие сразу это понимаете.

Некоторые начали кричать на Алекса, обвиняя его в трусости и неспособности поддерживать порядок, который по общему мнению должен быть на концертах (и все же на каждом концерте вспыхивает драка). Я не мог не признать, что кастет — это уже слишком, но подумал, что тот парень такой удар заслужил. В России существует такой тип хулигана под названием «гопник», чья единственная цель в жизни — запугивать людей и издеваться над теми, кто слабее

их самих. Единственная проблема состоит в том, что гопники люди трусливые и слабые, поэтому, как только дело доходит до реальной драки, то они часто оказываются перепачканы собственной кровью, бухлом и блевотиной. Естественно, ваш первый сострадательный инстинкт — пожалеть о трагедии и обстоятельствах, которые привели к ней, но потом вы понимаете, что вы просто один из сотен других, издевательство над кем сошло им с рук. Иногда только кровь и рвота могут напомнить этим людям, что они тоже смертны.

Нет никакого способа уйти от морального выбора в подобной ситуации, оправдать насилие или объявить его неизбежным, так что ситуация тут безвыходная.

В МОСКВЕ ПРИМЕРНО 244 СТАНЦИИ МЕТРО, где-то сорок пять из них я запомнил. После двух месяцев жизни в столице я с разочарованием понял, что никогда не смогу узнать город хорошо. От Ленинки я ехал по красной ветке на «Лубянку», пересаживаясь там на фиолетовую ветку и направляясь в «Китай-город», чтобы немного погулять и встретиться с друзьями, а потом

отправиться на «Курскую». Когда вечерело, я прощался с моими товарищами-панками и садился на зеленую ветку до «Трубной», пересаживался на серую, ехал до «Савеловской», а потом еще пятьдесят минут ехал обратно в Долгопрудный. Мало кто мог поверить в извилистость моего ежедневного маршрута, но я гордился тем, что впервые в жизни влезал в более стильную одежду, потому что мода для панка, что книги для ученых.

Я продолжал ходить на концерты с Алексом, Машей и Баги, чтобы послушать новые группы и пообщаться с новыми людьми. Как только мы заходили в помещение, Алекс сразу же начинал подходить то к одной, то к другой компании. Маша и Баги обычно оставались со мной, знакомя меня и с важными персонажами, и с не особо важными изгоями московского андеграунда.

Одним особенно жарким летним днем я встретился со своими на концерте *Worshit* где-то в центре города. На лужайке лежали типичные представители панка, начиная от одетых в кожу бойцов мелового периода до хардкорщиков с бейсболками козырьком

назад и свитерах с надписью «Have Heart»⁵ и просто неудачников, которые думают, что они создали что-то ценное, когда взяли в руки инструменты и микрофон.

Сергей, Рома и Вик из *Worshit* — как раз те люди, которые играют отличный хардкор: всезнайки, необщительные, но фанатичные в своих убеждениях и смелые на сцене. Они только что вернулись из DIY-тура по Соединенным Штатам и хотели поделиться со мной всеми впечатлениями. Сравнивая панков здесь и там, они жаловались на плохое состояние московского панка и попытки некоторых групп коммерциализировать свое творчество, подражая западным группам. И они были правы — многие группы, которые я видел, звучали как точные копии *The Offspring*, *Rancid* или *NOFX*, отчаянно пытаясь заработать денег на исполнении чужого панка. *Worshit* пытались сделать что-то другое. Например, они сделали кавер на «Seeing Red» группы *Minor Threat*, сыграв на том факте, что для русских фанатов смысл песни заключался совсем не в том, в чем для меня. Я узнал песню и стал подпевать.

5 Американская стрейтэдж-панк-группа (прим. пер.).

Что-то в выступлении Worshit заставило меня вспомнить вопрос моего друга Томми, заданный еще в Бостоне — на что похожа полная история русского панка? Всегда ли он был таким разнородным, свободным от политических ссор и характерных (хоть и легкомысленных) нацистских приветствий, как на американских концертах? Когда я осознал реальный потенциал музыки объединять людей из разных стран и снимать стресс, вызванный московской летней жарой, я решил начать сбор материала для книги о русском панк-роке.

Когда выступление закончилось, все разбилось на компании. Я уже выпил дрянной коричневой жидкости, продаваемой под видом пива, и сопровождал Машу, Алекса, Баги и их друга Сашу в близлежащий бар. На веранде заведения стояли столики с белыми тентами и фонарями, и люди внутри смотрели в окна на сидящих снаружи. Маша и Алекс сели напротив меня, Саша и Баги рядом, а сзади доносился раздражающий кокни с нотками бравады. Каждый раз, начиная говорить, я слышал, как британец передразнивал мой выговор. Ну и черт с ним.

Внезапно к нам подошла пьяная женщина и начала заигрывать с Баги и Сашей. Я пытался молчать, чтобы не привлекать внимания, но Алекс начал задавать вопросы о калифорнийском панке, о котором я не знал ничего, кроме проекта Gilman Street и Кометбаса.

Как я и подозревал, мой ответ заставил Татьяну (как я мысленно назвал ее) броситься ко мне, будто Дракула, почувавший свежую кровь. Я посмотрел на свой телефон — час ночи, слишком поздно, чтобы ехать в Долгопрудный.

Татьяна была красивой, интересной сибирячкой с темными волосами и темными глазами, а на панк ей было наплевать. Понятия не имею, с кем она пришла, но предполагаю, что она знала Сашу, потому что скоро он пригласил ее и меня переночевать у него. Я достаточно часто делил постель с разными женщинами и мужчинами, чтобы знать, что иногда алкоголь отбивает всякую способность даже думать о сексе. Но Татьяна проявляла настойчивость.

Как только Саша ушел спать, она расстегнула лифчик под рубашкой и легла в угол

между кроватью и стеной. Вот она, награда за долготерпение — дважды я приезжал в Россию, а до романтического приключения дело дошло только сейчас.

Но что-то во всей этой ситуации мне не нравилось. Девушка едва знала меня, а то, что она знала, было просто пьяным хвастовством. Я начал чувствовать, что ее интерес ко мне проистекает из моего экзотического для нее происхождения, а не из моей личности. Я слышал, что некоторые парни ведут целые списки типов женщин, с которыми они хотели бы переспать, и всегда думал, что это какая-то херня, но теперь я сам оказался в подобном списке.

— Разве ты не собираешься раздеться? — спросила она на ломаном английском.

— Нет, я не в настроении, к тому же мне завтра рано вставать, чтобы ехать обратно в Долгопрудный.

Но я лукавил. Времени у меня было сколько угодно, ведь поезда ходили целый день, но мне не хотелось заниматься сексом с незнакомой пьяной женщиной, не предохраняясь. Она была так пьяна, что даже не различала цвет моих глаз.

— Может, мы можем просто пообниматься?

Мне никто никогда не отказывал, — ее акцент становился все хуже, и я едва понимал ее.

— Пожалуйста, Татьяна, говори по-русски — ты слишком пьяна, чтобы общаться на английском. Давай спать и посмотрим, будешь ли ты все еще хотеть меня утром. Так никто ни о чем не пожалеет, и мы хорошо вздремнем, — сказал я по-русски.

— Вздремнем?

— Да, это такое выражение, оно означает «спать».

— Но ты хотя бы обнимешь меня? — она перешла на русский.

— Конечно.

Утром она все еще хотела меня. Но я быстро оделся, приготовил нам обоим кофе и завтрак и дал ей свой номер, намекнув, что в следующий раз она получит то, что хочет. Но она так и не позвонила.

Я до сих пор не знаю, кто она такая, и считаю, что вся ситуация с пьяной незнакомкой была моей маленькой победой.

МОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ приближалось к концу. В общем, я чувствовал, что полностью приспособился к городу и мог назвать его знакомым настолько, насколько

любой экспат способен считать иностранный город своим. Мало у кого в моем положении появилось бы столько друзей. На московских панк-концертах я ощутил прилив энергии, который не испытывал давно. Часто я не понимал слова, выкрикиваемые в микрофон, но чувствовал адреналин, исходящий от каждого музыканта, словно излучение от Токсичного Мстителя. Это была не просто музыка. На любом концерте стоял столик, с которого продавались фанзины, нашивки, значки, футболки, кассеты и компакт-диски (и редко когда винил, потому что выпустить винил в России практически невозможно). Эти товары выпускали не промышленным способом, а буквально вручную, штучно. Я часто видел, как некоторые панки рисовали и вырезали свои нашивки на продажу.

Это впечатляло.

Ближе к последней неделе я решил начать брать интервью, чтобы задокументировать то, что я пережил и увидел. Зная панк-сцены в России и в Соединенных Штатах, я чувствовал, что русский панк переживает важный момент, который достоин того, чтобы его запечатлеть. Я нахо-

дился на позиции наблюдателя, постороннего, но хотел чем-то отблагодарить сцену, которая дала мне новую цель и уверенность в себе.

Я поделился своей идеей с Алексом, который сделал большие глаза, когда я объяснил, что задумал и как собирался воплощать свою идею.

— Это займет много сил и времени, и мне определенно нужно будет вернуться в Россию, чтобы продолжать брать интервью.

— Ха-ха. А зачем тебе вообще сюда возвращаться? — спросил он не без сарказма.

— Русский панк мне как родной. А я ведь думал, что потерял это ощущение, когда начал учиться в колледже и в первый раз поехал в Россию. Местная панк-сцена бодрит, потому что она настолько искренняя и естественная, она не надеется на успех и большие деньги когда-то в будущем. Все в ней активно участвуют. Вот смотри, Маша продавала хот-доги, чтобы хоть что-то заработать, и ей хватило заработанного всего на два концерта, которые она посетила на той же неделе. Вы с Баги управляете «East Beat Records» и играете в группах, другие выпускают, записывают музыку, организуют кон-

церы или производят мерч. Все вовлечены в вашу панк-сцену. Вы создали настоящую замкнутую подпольную культуру.

Я не просто размышлял вслух, я наконец облек в слова то ощущение вдохновения, которое испытывал последние несколько месяцев.

— Книга на английском? — спросил Алекс.

— Да, иначе смысла нет. Русские знают все о своем панке, но остальной мир — определенно нет. Мы все думаем, что в России есть авторитарный президент, которого все любят. Какой здесь может быть панк? Мы снисходительно считаем, что вершина русского диссидентства — это какой-нибудь репортер из «Медузы». Мы поражаемся подпольной конспирации большевиков и думаем, что подобного подполья сегодня уже нет. В общем, в мире существует куча заблуждений о России, а о русском панке никто не знает вообще ничего.

— Я могу помочь организовать интервью. Можем заключить сделку, я бы вошел в долю. Еще я могу переводить на английский и организовать перевод книги на русский. Мы можем и такой контракт заключить, а еще я могу владеть русскими правами на эту кни-

гу, — Алекс отнесся к делу серьезно.

Он совсем не слушал меня, и ему было наплевать на мое восхищение русским панком. Он просто хотел что-нибудь урвать и претендовал на долю прибыли. В общем, он желал, чтобы я сделал всю тяжелую работу, пока он позвонит нескольким людям и договорится о встрече. Я очень разозлился.

Самодовольство, с которым он уже распределял авторские отчисления, заставило меня чувствовать себя неловко. Энтузиазм для него являлся товаром, который можно купить и продать, но сам он создать ничего подобного не мог. Это заставило меня задуматься, участвуют ли такие люди, как он, в DIY-сцене из искренней любви к субкультуре или они просто зарабатывают деньги таким образом.

В считанные минуты я перешел от восхищения сценой к сомнению во всей затее. И дело было не только в Алексе.

Просто Москва играла со мной очередную свою чертову шутку.

Но потом я вспомнил лица людей, раздававших ксерокопии бесплатных фанзинов. Я вспомнил искренность Маши и то, как она продавала хот-доги на фестивале. Я вспомнил даже того самонадеянного всезнайку

на фестивале, который искренне хотел говорить о панке, просто так. Я вспомнил, как мы с Баги плечом к плечу нырнули в толпу на концерте Коматоза, то рвение, с которым люди разговаривали со мной о своем опыте в русском панке и о его проблемах.

А потом меня осенило. Я сидел в московском суши-баре и общался с довольно уважаемым участником панк-движения. Я накопил много проходов, мерча и литературы. Я уже стал частью московской панк-сцены, хотел я этого или нет.

Так что я до сих пор не понимаю, что дало Алексу право превратить мою идею в способ извлечения прибыли. Я не знаю, что дало ему право требовать себе долю прибыли в моем проекте, считать его своим и заставлять меня сомневаться в его или еще чьей-либо искренности. Он не имел на это никакого права.

Мы вернулись в его квартиру навеселе, по пути болтая о пустяках. Приятная квартира, хорошо обставленная, с огромной бутылкой виски на столике. Просто гигантской, практически бутафорской. Пока мы пытались прикончить ее, он рассказал мне некоторые подробности своей жизни и причины,

по которым его не любят в панк-тусовке. Я дал ему возможность выговориться. Я подумал, что раз уж кто-то делает мне одолжение (позволяя переночевать у себя дома), то нужно вернуть должок — тем более он явно нуждался в разговоре по душам. Несмотря на крутую группу, классную девушку и выгодную сделку между ним, Баги и «East Beat Records», одежду «Levi's», кучу татуировок на теле и бейсболку задом наперед, было видно, насколько Алекс не уверен в себе.

— Ну вот и допили. Я уже несколько месяцев все не мог ее прикончить, — сказал Алекс, собирая тарелки со столика.

— Я никогда раньше не видел такую огромную бутылку виски. Где ты ее достал?

Бутылка висела в проволочной подставке, что позволяло наклонять ее в разные стороны. Без подставки налить виски из нее было невозможно.

— Мы купили ее для вечеринки одной группы, которая приезжала сюда во время тура, но они уехали раньше, поэтому я забрал то, что не допили, — ответил Алекс, раскачивая бутылку, чтобы не смотреть мне в глаза.

Я уже вырубался и мог только выдать из себя: «Круто!»

— Сейчас пять утра — нам, наверное, стоит поспать, — я наконец поднялся.

— Да, я провожу тебя до метро. Оно открывается через полчаса, — пробормотал Алекс. Я молчал.

— Ты не можешь здесь переночевать, мне нужно рано встать и поделаться кое-какие дела, — сказал он, нарушая тишину.

И вот внезапно я оказался там же, где пьяницы, проститутки, наркоманы и прочие отбросы общества, бродящие по берегу реки на рассвете. Только так этот город мог меня принять.

Черт. Это же Москва.

3

ВПЕРВЫЕ МОЯ АМЕРИКАНСКАЯ СЕМЬЯ ЕХАЛА СО МНОЙ В РОССИЮ, чтобы встретиться с друзьями, которые появились у меня за эти годы, — теми, о ком я часто говорил и думал как о своих русских родственниках. Моя девушка Кэрри и лучший друг Томми садились на рейс в Москву, и мне предстояло стать их гидом.

После нескольких месяцев успешного продвижения краудфандинговой кампании мы с Томми купили билеты и сделали российские визы, чтобы начать брать интервью. Отличный шанс привезти Кэрри в страну гопников и пьянства, тем более что в этот раз у меня не было никаких официальных дел, связанных с учебой. Кроме того, я хотел посмотреть, поймет ли Кэрри мою любовь к этой стране, познакомившись с ней на собственном опыте.

Мы сели на рейс Finnair из Чикаго в Хельсинки около 13.30. Я пересекал Европу и Атлантику третий раз, а Томми и Кэрри — впервые. Алкоголь на борту был бесплатным. Томми уселся позади нас, потому что он не зарегистрировался заранее, в отличие от нас с Кэрри. Я рассказал ему правила поведения на борту: пей что-нибудь покрепче, общайся с людьми вокруг себя и постарайся поспать хотя бы последние два часа полета. Должен заметить, что я вообще не могу спать в самолете, а люди вокруг меня засыпают в течение часа. Остается только одно... Чтобы убить время, мы с Кэрри стали пить красное и смотреть кино. Я не уделял внимания количеству выпитого, однако замечал, что чем чаще я звал стюардессу и просил повторить, тем больше она раздражалась.

Позади меня Томми листал книжку.

Кэрри заметно устала, но, как и я, она не спала. Она положила голову сначала мне на плечо, а потом на спинку кресла.

Неважно, сколько раз я схожу в туалет перед вылетом, рано или поздно наступит момент (за три тысячи миль-то), когда мне понадобится выйти. Я не стесняюсь говорить об этом, так как у всех у нас бывают неловкие

моменты, когда организм понимает, что пора опорожниться. Дело не в том, «удобно» ли вам идти, а в том, хочет ли этого ваше тело. Впрочем, не знаю, может, такие проблемы только у меня, а другие могут и потерпеть?

Так что я встал.

Вдруг кровь ударила мне в голову, когда я понял, сколько вина выпил. Я больше не видел Томми сзади, и при этом не мог идти по проходу прямо, не врезаясь в каждую ногу и не задевая каждую голову, попадающуюся на пути.

«Извините, извините, извините», — повторял я всем, кого ударял.

В туалете я расстегнул штаны и сел. На этой стадии опьянения ваше тело само уже решает, что ему нужно, и нужно ли вообще.

Вот он я, голова кружится до чертиков, с позором опускаюсь, пытаюсь испражниться перед посадкой в Финляндии.

Внезапно раздался громкий стук в дверь.

— Занято, — лаконично ответил я.

— Сэр, все в порядке?»

— Да, просто мне нужна уборная, спасибо, что спросили. — Что я должен был сказать? Очевидно, стюардесса видела, как я ворвался в туалет, и предположила худшее из-за вина.

Ненадолго это сработало. Время шло. Я боролся со своей пищеварительной системой, трезвел, а непонятные сигналы моего тела меня раздражали. Интересно, что сказала бы моя бабушка, узнавшая многое из шоу доктора Оз⁶. «Результат телефалициозного аффиксимоза, когда между вашим желудком и кишечником происходит „испорченный телефон“. Между печенью, клетками крови и легкими кто-то воспринял сигнал не так и подал неправильный ответ».

Внезапно в дверь снова постучали. Это была Кэрри.

— Малыш? С тобой все в порядке?

Господи, неужели я здесь уже столько времени, что Кэрри пришлось пойти за мной? А может, снаружи уже очередь? Все подумали, что я напился или ходил по-большому?

— Да-да, я сейчас заканчиваю, — солгал я, но, конечно, мне пришлось выбраться оттуда.

Я спустил воду в туалете, вымыл руки, оставил пряжку ремня свободной и наконец набрался смелости, чтобы вернуться на свое место.

6 «Шоу Доктора Оза» — американское ток-шоу, посвященное научно-популярному объяснению медицинских вопросов (прим. пер.).

— Не надо так, пожалуйста! — испуганно сказала Кэрри. — Пришли стюардессы, они сказали: «Извините, мадам, но ваш друг уже долго в туалете, и мы беспокоимся за него. Мы постучали, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, но он только пробормотал что-то неразборчивое...» Я посмотрел на Кэрри с улыбкой, думая: «Что же скажет Томми?», и попросил ее не беспокоиться.

Перед полетом я хвастался Томми и Кэрри, что будет бесплатный алкоголь. Естественно, я всегда стремился воспользоваться такой удачей по полной, и этот рейс не стал исключением.

С другой стороны, меня все-таки вырвало.

За последний час мне удалось заснуть, только проснулся я все еще пьяным и растрепанным. Как и положено, самолет приземлился, и стюарды открыли двери, дружелюбно прощаясь со всеми пассажирами. Мы жадно вдохнули свежий воздух (представьте себе, сколько пердежа вы вдыхаете за 8 часов в самолете). С вершины трапа мы увидели, что Томми уже ждет нас со своей сумкой и улыбкой на лице.

Мы вместе сделали пересадку, чтобы пройти последний этап нашего путеше-

ствия — Хельсинки-Москва... снова с бесплатной выпивкой! Я знал, что Томми и Кэрри — единственные, кого не смутит кажущаяся порочность русской жизни. Я знал, что только они способны стерпеть странный (и не очень) юмор некоторых из моих русских друзей. А еще я знал, что какие бы трудности не ожидали нас, они были единственными, кто любил меня настолько, чтобы пережить все, не теряя веры в меня.

Я сел с Томми на рейсе в Москву и продолжил пить. Кэрри, жутко злая на нас, сидела между незнакомцами, которые не знали ни слова по-английски.

Она все еще бесилась из-за моего поведения на предыдущем рейсе, и все же я продолжал пить. Я-то не алкоголик, просто в таких ситуациях, когда волнуешься и в то же время ждешь чего-то классного, хочется немного снять стресс. Мы пролетели над Балтийским морем и северной частью России. Стояла ясная погода, и я, как в первый свой прилет, видел, как цивилизованный пейзаж внизу сменяется бесконечным зеленым лесом.

Но я и впрямь напился.

Я был очень пьян, совершенно не готов к роли экскурсовода и нуждался в каком

угодно предлоге, чтобы выиграть немного времени и прийти в себя. Ни Кэрри, ни Томми не умели читать или говорить по-русски, поэтому без меня они бы пропали. Кэрри не могла больше злиться на меня.

Тем не менее, я все еще был пьян в стельку и не мог даже сфокусировать взгляд.

Соображать приходилось быстро.

«Что может быть лучше, чем познакомить их с русской культурой в курилке в аэропорту, тем самым выиграв немного времени?» — спросил я себя.

В России есть такие зоны для курения в аэропортах, они похожи на плохо вентилируемые удлиненные телефонные будки. Причем они не находятся за пределами аэропорта, а просто неуместно воткнуты посреди зала терминала. Никто не жалуется, потому что первые, кого вы заметите в одной из таких дымовых коробок — это полицейские и представители служб безопасности, работающие в аэропорту.

Мой план сработал. Мне нравилось думать, что, пока я курил в тишине, Кэрри и Томми испугались до чертиков.

АЛЕКС ВСТРЕТИЛ НАС в терминале аэроэкспресса. Спустя два года после нашей

встречи он стал значительно жестче; Маша его бросила, тусовка относилась все хуже. У него все еще были «East Beat Records» и Баги, ради которых он мог жить, но он играл роль отщепенца среди участников панк-сцены в возрасте 20 и старше. Я видел его на фото с 15-18-летними ребятами или с иностранными группами, которые привез «East Beat». Видимо, он думал, что фотосессии с этими группами и перевод документальных фильмов о панках Нью-Йорка на русский язык как-то сыграют ему на руку. Он так и не понял, что бренд «Hellcat Punk» 1990-х годов был уже пройденным этапом на великом пути развития панк-рока — похоронен в прошлом как и дурацкие песенки, которые большинству и вспомнить-то стыдно. Несмотря на всю эту фигню, которая происходила во время моей последней поездки, я все еще держался за Алекса, потому что хотел верить, что у него были благие намерения.

Кэрри и Томми, очевидно, устали и стремились добраться до хостела, чтобы оставить чемоданы и немного отдохнуть. Как только мы вышли из здания вокзала, я решил зайти в салон связи, чтобы купить сим-карту, ведь мне надо было как-то связаться со всеми,

как только мои ребята придут в себя. Летом в Москве всегда что-то происходит, нужно просто позвонить нужным людям.

Я оплатил телефонный тариф и отправил сообщение Алексу, чтобы у него сохранился мой номер. Мы тут же шмыгнули метро и поехали в сторону станции «Пушкинская» — там находился хостел, который я помнил со времени последнего приезда. Всю дорогу мне писали и звонили люди, которых я знал... но на самом деле не знал: «С возвращением!», «Привет, давай выпьем сегодня вечером!», «Скоро увидимся!», и классическое «Здорово, что ты вернулся — напиши, когда отдохнешь». Алекс, скорее всего, выложил пост с моим номером или что-то в этом роде, потому что все, кого я знал, начали строить планы со мной. Но Кэрри и Томми надо было поспать и поесть.

Мы бросили вещи в комнате и вышли на улицу в поисках магазина с веганской едой. Мы нашли фалафельную и магазин, где продавали тофу и салат из свеклы.

Мы не привередничали, а просто хотели поесть.

Было около 4 часов дня, и я надеялся, что они успеют выспаться до того, как вый-

ти вечером. Я старался использовать любую возможность пообщаться с людьми, чтобы взять интервью.

Комната хостела напоминала русскую баню — такая же влажная и жаркая. В воздухе висел запах дешевого стирального порошка, мужского дезодоранта и черствого хлеба, а в углу стоял единственный вентилятор. Мы подключили вентилятор и легли.

Все лежали молча. Томми, вероятно, думал о долгом перелете и о том, как он устал. Глаза его затуманились от недосыпа и усталости, но у него было достаточно выносливости, чтобы держаться. От аэропорта до хостела он осознавал, как трудно будет самостоятельно обходиться и как трудно помогать с проведением интервью, не говоря уже о переводе. Тут все наложилось одно на другое: и культурный шок, и усталость, и осознание того, что он отрезан от всего, что знает, кроме Кэрри и меня.

Я лежал в кровати и представлял, как мои русские друзья встретятся с Кэрри и Томми.

Кэрри чесалась и подозревала, что ее кусают клопы. Конечно, она думала о том же, что и Томми, но неспособность спать из-за крошечных жучков определенно отвлекала ее.

Никто не мог уснуть.
Пришлось выбирать.

ОКОЛО 8 ВЕЧЕРА Я ПОЗВОНИЛ НЕ-
СКОЛЬКИМ ЛЮДЯМ, чтобы выяснить,
чем сегодня стоило заняться. Баги выступал
ди-джем в местном подпольном пабе, играя
ска, панк, регги и другие жанры, и сказал,
что может угостить нас всех парой напитков.
Я подумал, что событие спокойное, подходит
для небольшой вылазки — а результат будет
максимальным!

Когда мы приехали, бар был абсолютно
пуст. Баги в одиночку крутил записи, кото-
рые он сложил в две коробки из-под молока.
Должен сказать, что он очень серьезно отно-
сился к своей роли, поэтому я старался не
мешать артисту. Место встречи представля-
ло собой концептуальное заведение с боль-
шим танцполом, ограниченным ступенькой,
обозначавшей площадь бара. Полы походили
на красное поле для шашек, а стулья, столы
и барная стойка были черными. Для Баги вы-
делили место размером с кофейный столик.

Кэрри, Томми и я заказали напитки и на-
блюдали за тем, как прибывали люди. Суро-
вый парень с тату на шее, очаровательные

девчонки в стиле 50-х, продавец-панк, активно предлагавший свои записи и журналы, и несколько парней заняли места у бара и на танцполе. Никто на самом деле не танцевал под музыку Баги, а вот «The Clash» определенно толпе нравились.

Алекс подбежал к нам и сказал, что нашел кое-кого, с кем можно сделать интересное интервью. Мы были совершенно не готовы и устали, но нас подкупила оперативность Алекса, и мы решили, что следует пользоваться любой возможностью, которая к нам придет. Представлять людей друг другу Алекс, надо сказать, не умел, поэтому мы отправились брать интервью, практически ничего не зная.

Собеседник назвался антифашистом-скинхедом, у которого были друзья «на зоне». Обычно он пел в oi!-группе, однако появлялся на каждой панковской сходке, напиваясь местным лагером. Что-то в его поведении и в том, как он представился, дало мне понять, что он такой, каким хочет казаться, — это чувствуется, когда человек стесняется говорить о прошлом и настоящем. То, как он говорил о своей деятельности, о друзьях, выдавало искреннюю ностальгию и тот факт, что мероприятия, которые он посе-

щал, служили последней возможностью не забывать о старых временах.

Я начал интервью со стандартного вопроса: «Расскажите нам немного о себе и о том, что вы делаете на сцене».

Конечно, вопрос невероятно наивный, и такое спрашивают только люди, которые понятия не имеют, у кого берут интервью. Но начал я с него.

Мы разговорили его на тему антифашизма в 2000-е годы и роста традиционной культуры скинхедов в Москве. Наши вопросы были довольно расплывчаты, под статью его ответам, а необходимость тут же переводить их для Томми не облегчала задачу.

Кэрри стояла рядом со мной. Она невообразимо скучала.

Томми внезапно начал задавать более глубокие вопросы.

Возможно, сказался его опыт работы журналистом, или он просто знал, как углубиться в тему, но его вопросы как минимум вдохновляли. В основном потому, что он давал понять интервьюируемому, что анализирует все сказанное им.

Я сделал сознательное усилие над собой, чтобы действовать также. Пусть собеседник

ведет вас, даже если ради этого придется отложить вопросы, которые вы изначально хотели задать.

Тем временем люди начали подходить к нам со всех сторон, пытаясь послушать интервью или вставить слово.

Кэрри, как хамелеон, незаметно превратилась из тихой и сдержанной девушки в светскую даму и принялась вести беседы. Она понимала, что мы должны закончить интервью, даже если ей кажется, что мы просто долго болтаем ни о чем. Вокруг нее уже собрались слушатели. Люди спрашивали ее по-английски, что происходит, откуда она и с кем. Для многих из них Кэрри была первой американкой, которую они когда-либо видели вживую и с которой разговаривали лично. Кэрри, маленькая, с острыми чертами лица и пронзительными зелеными глазами, определенно разбила стереотип, что если американка, то обязательно полная.

В конце концов я собрал всех вместе, и мы пошли послушать «спины» Баги. Мы вернулись в танцевальный зал, который оказался переполнен. У людей, которые обычно сидели молча, снесло башню, и они ничего не стыдились. Даже Томми, несмотря на

огромную усталость, присоединился к этому безобразию. Кэрри и я больше не видели его до конца сейшена.

Пока люди подходили со мной поздороваться, Кэрри нырнула в толпу на танц-поле несколько раз, и я, кажется, тоже, но по большей части я наслаждался общением и уже строил планы на следующие недели.

Под утро мы вернулись в хостел, оккупированный клопами. Я думал, что мы до того напились и устали, что нам не помешают заснуть ни мысли, ни клопы.

А потом вошел Роман.

Роман был типичным русским. Возможно, не русским по национальности, но Россия многонациональная страна, а Роман был среднестатистический русский мужик. Классический гопник, но прошедший через определенные изменения. В конце концов, будь он обычным гопником, он ворвался бы в нашу комнату и попытался стать в ней хозяином. Вместо этого он зашел, поворчал немного, подумал. Возможно, он размышлял о жизни или мечтал о будущей жене. Казалось, что он смотрит на кого-то в другом конце комнаты и общается с ним телепатически.

Затем он взял вентилятор и направил его на свою кровать, зафиксировав так, чтобы он не вращался. Далее Роман вытащил из-под кровати картонную коробку, в которой оказалась большая бутылка сока. Он сидел на краю кровати, и вентилятор дул прямо на него. Роман проглотил сок и принялся снимать рубашку.

Его живот был гигантским — и выглядел крайне нездорово. Не поймите меня неправильно, у некоторых мужчин животы большие, но это выглядит сравнительно гармонично. Правильные пропорции в некоторых случаях напоминают, что просто кто-то бывает большого размера. Но живот Романа напоминал живот беременной на девятом месяце, если не считать волос от пупка до груди, по которым струилась река пота. Более того, он выглядел совершенно непропорционально по сравнению с остальной частью его тела — плоская грудь, а ноги тоньше, чем у меня.

Не в силах заснуть, я смотрел, как Роман молится перед сном. Ночью я посматривал на него и не видел ничего, кроме живота, торчащего высоко в воздухе, и волосков на теле, которые развевались на ветру от вентилятора.

В СЕРЕДИНЕ НЕДЕЛИ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С АЛЕКСОМ снова. Он пообещал представить нас интересным собеседникам. Изо дня в день мы ходили по городу, встречаясь с людьми вместо того, чтобы просить их встретиться с нами. Кэрри и Томми явно устали. Кроме того, Томми приехал только на неделю и хотел соблюдать баланс между проведением интервью и посещением туристических достопримечательностей (было бы обидно, сказал я ему, если бы он приехал в Москву и не сходил в Мавзолей Ленина на Красной площади). Но, несмотря на мое стремление всем угодить и в то же время сделать задуманное, я понимал, что ребята уже на пределе возможностей. Кроме того, мы твердо решили, что нам мешает не только Роман, но и клопы.

Алекс похож на ребенка, которому нравится проверять, сколько раз он может ткнуть кого-то, прежде чем тот даст сдачи. Знаете, такие люди, которые макают другого в дерьмо сколько угодно, но прячутся на безопасном расстоянии, как только вы приближаетесь с дерьмом к ним... В те времена Томми был точно таким же — он любил невинно подшучивать над людьми по незначи-

тельными поводам, но дать отпор мог только тому, кто слабее. Людям вроде Томми такое поведение помогает сохранить уверенность в себе и отвлечься от проблем. То же самое можно сказать и об Алексе, хотя причины его «травмы» крылись в неприятной распадае длительных отношений.

Оттого и получилось, что на волне усталости, восторга от пребывания за границей и мачо-позерства (которое на самом-то деле является признаком эмоциональной слабости) Алекс и Томми так и не поладили. Пока Алекс пытался пассивно-агрессивно (но в то же время весело) подшучивать над Томми, Томми отвечал агрессивнее, пока вся эта перепалка не приводила к тому, что один начинал окончательно раздражать другого. Временами все выглядело очень тупо:

— Привет, Томми? Угадай, что?

— Что?

Алекс наклонялся, чтобы прошептать «Piiiiiiiiin», делая акцент на звуке «ew» и произнося «i» как сильное «e».

— Я ни черта не понял... — с сарказмом отвечал Томми, глядя на меня, будто я понял хоть что-то.

— Да потому что ты гребаный идиот, чувак.

Гениальный ответ Алекса в стиле «типа по-панковски».

(По-моему, он пытался сыграть на табу имени Путина и спецслужб, намекая на то, что говорить о Путине было как-то незаконно, и поэтому пришлось шептать на ухо, но кто его знает.)

Понятно, что в такие моменты Томми не видел в Алексе положительных качеств (которые видел я). Он воспринимал Алекса как какого-то выпендренщика, которому не хватало знания «настоящей» панк-культуры. То, что Томми так и не нашел в Алексе, он нашел в других, особенно у тех, у кого мы брали интервью (например, Максим, Рома, Петр и Наташа). Кто станет его винить? Не могу сказать, что работать с Алексом было так уж здорово, и «помощь», которую он нам предлагал, всегда ограничивалась обсуждением его роли в переводе или идеей опубликовать все, что мы создали, на русском языке (ради части роялти, которые, как мы ему сказали, никто не увидит). Алекс был всегда слишком занят, чтобы помочь нам с рутинной работой, но всегда наготове, чтобы представить нас известным музыкантам, как будто его знакомство с ними что-то докажет нам.

ВСЕ ЭТО БЫЛО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ПРОЕКТА, ТАК КАК Я ПОНЯЛ, ЧТО ВСЕ ИНТЕРВЬЮЕРЫ ДО КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ «ИСПОЛЬЗУЮТ» СВОИХ СОБЕСЕДНИКОВ. ГЛАВНЫЙ ВОПРОС – ТОТ, ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ ЭТИЧНОСТЬ ВСЕГО ЭТОГО ДЕЛА, – ЧТО ВЫ ИМ ДАЕТЕ ВЗАМЕН.

Меня удручало, что мой лучший друг терпеть не может одного из моих первых русских знакомых. Их отношения будто заставляли меня отступать на шаг назад и пытаться понять ситуацию объективно с той и другой стороны. Намерения Алекса были явно нечисты, и я это понял сразу, как только он начал активно помогать нам выбивать интервью. А с другой стороны, как мы могли добиться их иначе? Никогда бы не подумал, что могу использовать кого-то для чего бы то ни было, но вдруг ощутил волну сожаления и вины внутри. Не поймите меня неправильно, Алекс умел договариваться с людьми, но происходи дело в Штатах, я бы так не сблизился с ним. По мере того, как эта волна смывала и уносила мои иллюзии, я осознавал и то, что Алекс тоже меня использует

(хотя они и не мог быть уверен, что что-то получит в итоге). Он не использовал Томми, а Томми не использовал его, поэтому в их отношениях не было необходимости притворяться или терпеть друг друга. Как я говорил, важно понимать, что интервьюер использует собеседника для конкретной цели, и вопрос в том, что он дает взамен. Некоторым достаточно настоящей дружбы, другие хотят денег, а кто-то знакомится с вами только ради того, чтобы рассказать свою историю.

Кэрри, кстати, Алекс тоже очень не понравился.

ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО ОТЪЕЗДА ТОММИ мне удалось уговорить свою давнюю подругу Настю позволить нам пожить дома у ее родителей, чтобы сбежать от клопов и классно провести вместе наши последние два дня. Настю я встретил на панк-концерте в прошлый раз, когда ездил в Москву. К моему удивлению, она жила в подмосковном Долгопрудном, где тогда жил и я. Так что проживание у Насти давало мне возможность показать Кэрри и Томми настоящие московские окраины и дать им почувствовать вкус обычной российской жизни, который я познал во время последней поездки.

В то время Настя встречалась с Красным Скинхедом (как он сам себя именовал) по имени Антон. Он любил слушать дум-метал, курить траву и обсуждать мрачные и странные видео с YouTube, где американцы представлены типичными покупателями «Walmart»⁷, а русские гопники позорятся в уличных драках. Каждый день он носил камуфляжные шорты и кроссовки «Adidas Samba»⁸ с симпатичным свитером европейской марки, найденным где-то за небольшие деньги. Настя смеялась над его шутками, но часто и закатывала глаза по поводу его поведения, особенно по поводу количества травы, которое он выкуривал. Каждое ее усилие проявить материнскую заботу (и о нас, и о своем парне) Антон встречал с детским юмором и вопиющим равнодушием. По крайней мере, нас с Томми это не раздражало — Антон был словно одним из нас. Если бы он остался один, то с такой же вероятностью, как и мы, принимал бы глупые решения, и они приводили бы к дурацким ошибкам.

Настя училась быть мамой, что отчасти объясняет, почему она так охотно разрешила нам

7 Распространенный в США гипермаркет (прим. пер.).

8 Линия кроссовок в винтажном стиле (прим. пер.).

остановиться дома у ее родителей. У нее были грязные светлые волосы и глубокие зеленые глаза. Казалось, один из них немного косит, но это становилось заметно, только если она смотрела в упор — когда сморозишь глупость. В отличие от Антона, Настя почти идеально говорила по-английски, так что она всю ночь помогала переводить все более пьяные шутки Антона. На самом деле это не такая уж и редкость в России — когда женщина из панк-тусовки занимает «материнскую» позицию.

В конце концов, мужчины в России — все, не только панки, — очень подвержены алкоголизму смолоду и потому склонны вступать в драки и ссоры, не имеющие логически обоснованной причины.

Проехав минут сорок пять за город, мы зашли в небольшой, но ухоженный многоквартирный дом, где жили Настя с мамой. У них была двухкомнатная квартира с небольшой кухней-гостиной. В России, как я заметил, принято скорее иметь свою квартиру, чем снимать. Места на кухне было недостаточно, чтобы все могли сидеть и общаться, но Настя обещала приготовить нам все «традиционные» русские блюда, поэтому мы набились в кухню и ждали.

Я всегда относился к тому типу людей, который дела ставит превыше развлечений. Мне трудно наслаждаться выпивкой, когда меня не отпускают незаконченные дела: стирка, чтение книг, звонки или планирование следующего дня. Когда я добрался до Насти, я ожидал, что нужно будет помочь Томми и Кэрри устроить свои кровати, но Настя уже со всем управилась. Диван в гостиной отвели для нас с Кэрри, а у Томми был свой диван на другой стороне длинной комнаты. Выглядело лучше хостела, не говоря уже о клопах. Меня тронули ее забота и внимание к деталям. Настя сделала все, чтобы создать нам максимум комфорта. Это доказало мне, что мои отношения в России были чем-то большим, чем получение взаимной выгоды и использование друг друга. Иногда окружающие — просто порядочные люди, которым легче пройти по жизни, будучи простым в общении и дружелюбным, чем постоянно нервничать.

Пока Настя нарезала огурец, мы все уселись.

— Томми, ты любишь курить траву? — вопрос Антона прорезал тишину. — Ты ничего не подумай, я не против. Каждый должен выбрать свою отраву. Если тебя вставляет, это круто.

Тут Настя вмешалась, чтобы сказать нам, что Антон курит больше травки, чем кто бы то ни было, и в последнее время степень его зависимости беспокоит ее. Пока она говорила, Антон смотрел на нас с пугающей улыбкой, как у Гринча.

Он пояснил, что предпочитает эту зависимость алкоголизму, и что марихуана несет бесконечные преимущества для здоровья.

Настя вернулась к нарезанию овощей.

Некоторое время мы говорили о глупости представителей наших низших классов населения (покупатели «Walmart» у нас и гопники у них), русском спорте, панк-сцене и всем таком. У Антона все отлично обстояло с самоиронией, так как он воплощал стереотипы о жизни в России. Однако его позиция заключалась в том, что недостатки родины каким-то странным образом нужно защищать. Например, когда дело доходило до Путина, Антон позволял себе умные и тактичные шутки, но всегда заканчивал размышлениями о том, что Путин — это часть более крупной картины российской истории, и что в целом русская история и политика идут к лучшему будущему. Звучало лучше, чем вопиющий национализм,

но не настолько либерально, как могли бы пожелать американские левые.

Томми захотелось чего-то, что прервало бы бесконечный поток дерьмового пива, крепкого алкоголя и висящего в воздухе дыма.

— У вас, ребята, есть что-нибудь безалкогольное?

Антон и Настя минуту совещались, что предложить. Сначала Антон предложил молоко, но вспомнил, что Томми веган. Тогда Настя предложила кисель — любимый в России густой сладкий напиток, похожий на прозрачное, горячее, полужидкое желе. Я, если честно, никогда не слышал о нем, поэтому, когда Настя попросила меня перевести, не знал, что сказать.

— Ягодный напиток, — объявил Антон серьезным тоном на плохом английском, забыв превратить свое утверждение в вопрос.

— Ягодный напиток? — ответил Томми. — Что за фигня такая — «ягодный напиток», это сок?

— Нет, не совсем сок. Он сладкий как сок, но горячий, как чай. Это ягодный напиток, Антон прав, — попыталась уточнить Настя, но трое американцев понятия не имели, что все это значит.

— Ягодный напиток, — снова объявил Антон, невозмутимо глядя на Томми.

На тот момент «ягодный напиток» было самым отчетливым из всего, что Антон произнес по-английски, но слова все еще оставались бессмыслицей для нас. Я знал, что это какой-то веганский напиток, поэтому я попросил Настю показать Томми, как его готовят.

Кэрри и Настя разделяли взаимное отвращение к привычке своих партнеров впадать в детство, соглашались по женским проблемам в России и США и другим самоочевидным темам, которые были, вероятно, табу для Кэрри, но не для Насти. Втайне я хотел, чтобы они сдружились «по-женски», но подозревал, что это стереотип, а не то, как женщины на самом деле себя ведут. Хорошо, что я ошибся! Возможно, дело в том, что Настя была первой из встреченных Кэрри российских женщин, которая не стремилась что-то кому-то доказать.

На следующий день мы отправились в поход к озеру неподалеку. Антон сказал, что знает о заброшенном местечке для шашлыка вдали от полиции и цивилизации. Мы постоянно шутили, что Антон нас всех завел

сюда, чтобы убить, и о том, как бы мы заблудились, если бы потеряли Антона и Настю по пути. Черный юмор расслабил нас, нарушив тишину и дав нам всем повод посмеяться и насладиться моментом.

Мы добрались до места, выкурили полпачки сигарет на всех, приготовили ужин, поболтали обо всем на свете и окончательно подружились. Это был такой трансцендентный момент — хорошая компания, русский лес кругом, — который остается в памяти одним лишь мгновением. Впечатление о вечере оказалось ненадолго подпорчено роем злобных комаров, выгнавших нас из леса.

Мы вернулись к Насте, где Томми предстояло провести последнюю ночь своего недельного пребывания в столице. Я грустил от того, что он уезжает, но в то же время предвкушал путешествие наедине с Кэрри. Мы уезжали на следующий день на ночном поезде в Ижевск, столицу Удмуртии, где, как мне рассказали, процветала оживленная панк-сцена.

Настя и Антон были самодостаточными людьми без далеко идущих устремлений или амбиций. Они хотели просто завести и поддерживать дружбу. В этом они сильно отличались от Алекса, поэтому я не удивился,

когда Кэрри и Томми рассказали, насколько им понравилась эта пара, и выразили желание оставаться на связи. Мои друзья почувствовали искренность Антона и Насти не столько благодаря их близости к панку и вовлеченности в проект — Кэрри и Томми увидели в них что-то, напоминавшее им самих себя и их внутренний мир. И поняли, что даже в России, якобы «империи зла», люди оставались людьми.

Томми так понравился «ягодный напиток», что он выпил еще чашку перед сном.

УТРОМ Я ПРОСНУЛСЯ — А ТОММИ УШЕЛ. Они с Настей не стали будить нас, чтобы сообщить, что за ним приехало такси, но ничего страшного — провода только задержали бы нас.

Нам с Кэрри пришлось уехать от Насти, пока ее мама не вернулась из отпуска. Электричка из Долгопрудного в Москву отправлялась через пятнадцать минут, дальше следовал перерыв в несколько часов. Я разбудил Кэрри, объяснил срочность дела, и мы собрались как можно быстрее.

Настя предложила нам еду в дорогу и кое-какие вещи, но мы предпочли вежливо

отказаться, чтобы не тратить время на сборы. Вместо этого мы бросились на станцию.

Я чувствовал, что Кэрри немного позади, когда мы прыгали на платформу. Я привык к московским поездам и чувствую, когда они трогаются. Количество людей, заталкивающих в вагон, значительно сокращается, и наступает мгновение тишины перед тем, как звучит объявление о закрытии дверей.

Я скользнул в вагон, когда объявление уже начинало звучать. Вздохнул с облегчением, выглянул в окно двери — и увидел Кэрри снаружи, по ту сторону, беспомощно застрявшую посреди подмосковной платформы.

Миллион мыслей пронесся в моей голове в тот момент. Смогу ли я добраться до следующей станции и вернуться назад? Далеко ли следующая станция? Догадается ли Кэрри меня подождать?

Чисто инстинктивно я начал разжимать руками дверь. Незнакомец рядом со мной все понял и принялся помогать, действуя как будто по привычке. Вместе нам удалось разжать двери сантиметров на тридцать, достаточно, чтобы я выскользнул — как вдруг поезд тронулся.

Я выскочил и приземлился головой на асфальт.

После этого трудно что-то вспомнить.

ОСТАТОК ПОЕЗДКИ МЫ С КЭРРИ ПРОВЕЛИ, ПУТЕШЕСТВУЯ по всей России, беря интервью у разных людей и посещая концерты — в общем, получали удовольствие. Безусловно, самым захватывающим (и волнующим) местом был Ижевск, куда мы добрались из Москвы на поезде за семнадцать часов.

Саша, пригласивший меня в свой город через социальные сети, встретил нас у поезда. Всегда неловко встречать абсолютно незнакомого человека, с которым предстоит провести следующую неделю или две. Ты ничего не знаешь ни о нем самом, ни о том, где он живет, или как воспринимать его, но общее — принадлежность к панк-року — обеспечивает некое безусловное доверие.

Все устроилось замечательно: Саша сказал, что он организовал в городе концерт (впервые за долгое время), чтобы показать местную сцену и собрать всех для интервью. Он представил нас близким друзьям и тихой девушке по имени Лена.

Лена явно знала больше, чем говорила вслух. Каждый раз, когда мы заговаривали с глазу на глаз, она была откровенна, демонстрируя при этом явное равнодушие к светской беседе. Не то чтобы Саша «заглушал» ее или что-то такое — просто она казалась очарованной им, его словами, его друзьями и их поступками. Она явно занимала позицию наблюдателя, но было очевидно, что они с Сашей равны во всех отношениях.

Все лето нас с распростертыми объятьями встречали такие люди, как Саша и Лена. Каждый со своей историей, своими взглядами на жизнь и на то, что я делал. Например, с Леной меня связывало только наше отношение к панку. В Ижевске полно персонажей, которые способствовали сплочению панк-сообщества — от душевнобольных до гиперорганизованных личностей и всяческих нарушителей спокойствия.

Двое из таких нарушителей, Даня и Мигель, были так рады встретить нас, что потребовали говорить с ними по-английски. Их английский оказался очень даже хорош, и когда я спросил их, как они выучили язык, они ответили: «Ну, знаешь, слушали Minor Threat, подпевали...»

Кстати, в России такой метод более распространен, чем вы думаете.

В общем мы с Даней, Мигелем, Сашей и Кэрри отправились в городской парк в час ночи, чтобы провести интервью с Даней, который слыл лучшим гитаристом города. Пока мы шли, Даня устроил нам «настоящую» экскурсию по городу.

— Видите памятник Ленину? Вот где встречаются гопники ночью, чтобы подраться. Иногда я хожу туда, чтобы помахаться.

Я не мог понять, притворялся ли Даня, будто ему нравится драться, или изображал по пьяни гопника. Он выпил четыре банки пива, и я был готов выяснить правду.

— А вот на том автовокзале Мигель и я отпиздили каких-то пьяных гопников на прошлой неделе.

Выпендреж...

Он был толстокожим парнем, посвятившим себя хардкору и преданным ему до мозга костей. Спросив его о музыке, я увидел в его глазах что-то, что говорило, что эта темя для него очень важна. Он переживал сложности взаимоотношениях с отцом, девушкой и друзьями — и я понимал, что хардкор стал для него законным способом выразить страх по этому поводу.

Позже, когда я заявлял в интервью и разговорах с друзьями, что русский панк все же содержит что-то более подлинное, нежели западный, я всегда думал о Дане. Он происходил не из рабочего района в пригороде Бостона, а из города Ижевска в тьмутараканской Удмуртии. В такой изоляции мир может показаться мрачным, безнадежным местом. Оттуда нельзя поехать в город, чтобы «развеяться», не получится взять отпуск, чтобы съездить во Флориду, не выйдет позвонить другу в Окленд, чтобы вспомнить, какова жизнь на другом конце страны. В Ижевске все, что у вас есть — это вы и ваше ближайшее окружение, и если оно вас бесит, то... вы играете хардкор-панк.

Я понимал, почему Даня и Мигель дрались, почему они пили и почему их юмор был таким нездоровым.

Примерно в 3:30 ночи мы с Кэрри наконец расстались с Даней и Мигелем. На следующий день Саша рассказал нам, что произошло дальше.

— Даня и Мигель так напились, что решили разговаривать друг с другом только на английском до конца ночи. Когда они шли домой, какой-то мудака прошел мимо них и...

сказал что-то типа «эй, придурки, вы в России, говорите по-русски!» Ну и вот, Даня начал задирать этого парня, и одно потянулось за другим, и они избили этого чувака.

— Какого черта они говорили по-английски друг с другом? — спросил я, как будто они стояли передо мной.

— Кто знает? Они всегда страдают какой-то хренью.

Я попробовал примерить ситуацию на себя. Представил, как иду по улицам моего родного Эттлборо, болтаю с другом по-испански, и вдруг кто-то говорит нам: «Говори по-английски, мудаки!»

Будучи носителем английского языка, свел ли бы я все к шутке? Наверное. Но в тот момент Даня и Мигель связали английский язык со мной и Кэрри, и замечание того чувака стало как бы оскорблением в наш адрес. Я не верю, что они побили парня в защиту всех носителей английского языка, скорее в защиту своих новых друзей. Или, может быть, им просто захотелось подраться...

К КОНЦУ ЭТОЙ ПОЕЗДКИ В МОЕЙ ГОЛОВЕ НАЧАЛ ФОРМИРОВАТЬСЯ РАССКАЗ О РУССКОМ ПАНКЕ. Это было

хронологически выстроенное повествование о музыкальном жанре, который проник в небезопасную холодную страну. Но оказалось, что этот жанр обладает достаточным арсеналом, чтобы вооружить всех, кто хотел сделать что-то крутое, — выразить себя в формах искусства, необходимых для развития панка, будь то музыка, изобразительное искусство, мода или литература. Со временем панк стал значить для российской молодежи нечто большее, чем просто стиль и музыку. Он стал символом больших возможностей, олицетворением альтернативы той монотонной жизни, которую они вели дома. Эта субкультура снабдила их различными формами критического мышления и политических взглядов, а также душевным и силами для выражения эмпатии, симпатии, преданности и сострадания. Панк придал смысл этим словам и лишил их догматических коннотаций. Для того, чтобы верить, что есть что-то более важное, чем то, какие карты тебе раздала жизнь, требовались не коммунистические идеалы — нужны были сраные панковские идеалы! Не нужно носить с собой копию «Манифеста коммунистической партии», надевать костюм и галстук, чтобы быть

Александр Герберт. Панк в другом измерении

уверенным в своей вере. Достаточно только проклезов и благоговения перед Игги Попом.

Это был рассказ о панке в России на уровне, откровенно далеком от научности. История панка в России, которую мог понять только панк.

4

ЛЕТО 2017 ГОДА ДОЛЖНО БЫЛО СТАТЬ ПОСЛЕДНИМ ЛЕТОМ, которое я собирался потратить на книгу. Из всех моих поездок в Россию, из всех мест, которые я видел, и людей, которых я здесь встречал, Петербург и его жители всегда казались самыми недостижимыми, недоступными мне. Мы с Кэрри отправились туда в 2015 году, и нас встретило холодное отношение и панки, не желающие раскрыться.

Санкт-Петербург — это окно России на Запад. Первый город в России, который услышал панк-рок и где был собственный панк — Свин. Тем не менее, несмотря на то, что де-факто Петербург является второй столицей России, его население и география бледнеют по сравнению с Москвой.

Однажды в Санкт-Петербурге я встретил женщину, которая никогда не видела своего

отца, но знала, что у него было двое детей, кроме нее, и все они жили в Питере.

Санкт-Петербург — такой город, про который я могу сказать с уверенностью, что она видела своего отца и сводных братьев в метро, на улице или в магазине, даже не подозревая, что это они.

Причудливость города создает особенную нишевую панк-сцену. Все знают друг друга и играют друг у друга в группах. Один барабанщик может играть в трех разных группах, которые обмениваются музыкантом от концерта к концерту (при том, что играют, к примеру, D-Beat, джаз и шугейз).

Этот город — родина первых российских панков. «Ветераны» советской системы более или менее впали в ностальгию, тоскуя по дням, когда их концерты собирали толпы людей. Они играют классические вещи и устраивают «памятные» шоу в честь былых времен, все время смеясь над тем, что есть сейчас. Они не общаются с молодежью, не желая признать, что то, что происходит в панке сейчас, не так уж отличается от того, что было тогда.

Есть также ветераны-диссиденты, которые ищут успокоения.

Пригороды Санкт-Петербурга предлагают природу, какую не найдешь нигде в России: карельские леса и озера, болотца, перекатывающийся звук морских волн, набегающих на берег, и временами — запах моря. Красота этих мест соблазняет тех, кто прошел через подобное в прошлом, освободиться от социальных зажимов и уединиться для спокойного творчества.

Тем не менее, как и во всех нишевых городах, здесь есть несколько ключевых фигур. Они определяют, кто уходит, а кто выходит на сцену. Любой из них будет золотым билетом в петербургский андеграунд.

ЗНАКОМСТВО С ДЖОРДЖЕМ⁹ СТАЛО ДЛЯ МЕНЯ СУДЬБОНОСНЫМ, НО В ПИТЕРЕ ОН БОЛЬШЕ НЕ ЖИЛ. Он играл в успешных группах вроде Dotty Danger и руководил собственной звукозаписывающей компанией «Карма Мира», поэтому знал многих в тусовке. Как и многие россияне, он переехал в Москву на более высокооплачиваемую работу, но, в отличие от большинства, соскучился по родному городу. К счастью, когда выяснилось, что я должен

⁹ Кирилл Михайлов (прим. пер.)

был прожить в Питере три месяца, он ухватился за возможность показать мне город.

Джорджу было слегка за тридцать, он носил «Fred Perry» и был панком. Он много читал и многое знал о своем городе, своей стране и своей музыке. Все в городе признавали Джорджа авторитетом, человеком, к которому стоило обратиться, стремясь понять этот город. Я встретил Джорджа прошлым летом и взял у него интервью. Мы немного выпили, пошутили, но у меня не хватило времени как следует познакомиться с ним и обсудить что-то кроме его вклада в панк-культуру.

С тех пор, как я приехал, я искал панк-концерты по всему городу. Казалось, что панка в городе нет, но я-то знал, что панк-события где-то происходят. Когда Джордж приехал, он мгновенно узнал о тех концертах, которые мне не удалось найти.

«В эту субботу выступает старая питерская группа Анкылым, у них 25-летие, пойдём!» — сказал он мне.

Выбора не было. Если я действительно хотел узнать этот город, следовало хвататься за любую возможность, особенно предложенную Джорджем.

Место проведения было старым, заправляли им ветераны локальной сцены. Находилось оно в переулке между арт-центром и Санкт-Петербургским музеем Beatles¹⁰. Оно было разделено на две части: на одной стороне площадки — хорошая высокая сцена напротив бара, где подавали пиво и закуски, на другой стороне переулка — подвальная сцена с меньшим баром, без закусок. Анкылым (вероятно, так решили они сами) играли на меньшей сцене — классическая тактика, чтобы собрать людей вместе и заставить их танцевать.

Танцевали все, в том числе и я. Анкылым является одной из тех редких групп, которые удачно сочетают культурную специфику с энергией панка. В отличие от бесконечных ирландских панк-групп, Анкылым взял специфически «русский» звук и адаптировал его для более радикального поколения. Они смогли сделать так, что двадцатилетние ребята хотели слушать балалайку и аккордеон!

Между знакомствами с людьми меня угощали пивом и тут, и там. Я должен сказать, что в ту ночь я, вероятно, встретил

¹⁰ Пушкинская, 10 (прим. пер.)

около сорока человек, с двадцатью из которых я потом еще пообщался и с пятью из которых стал гораздо ближе.

Джордж стал моим «счастливым билетом», моим проводником в городе, который не любит иностранцев.

В США я избегал алкоголя месяцами, сосредоточившись на работе в аспирантуре. К тому времени моей двухлетней дочери требовалось больше моего внимания, и в трезвом состоянии я не хотел даже думать об алкоголе. Нет большего воплощения ненависти к себе, чем отец, который не видит ничего, кроме пива, после дня, проведенного с дочерью. Я таким не был.

Но я вовсе не привык сдерживать себя во время тусовок. Сочетание долгого воздержания и решимости расширить свой круг общения в городе было прямо создано для потенциально опасной ночи. Я знал, чем это закончится, но...какого черта? Я снова оказался в России, общаясь с интересными людьми и прекрасно проводя время.

Слова типа «поймешь, когда вырастешь» — чушь, и панк помог мне осознать это.

Время от времени очарование взрослости поражает нас — вечно юных. Со своей стороны, я всегда считал, что мое увлечение вечной молодостью (синдром Питера Пэна?) являлось своего рода следствием панк-культуры. Чтобы видеть мир как он есть, требуется способность игнорировать то, что говорят вам старшие. Нельзя эффективно критиковать то, что происходит сейчас, не связывая это каким-то образом с теми, кто жил раньше. Я не говорю, что единственным виновником всего, что пошло не так в мире, являются «взрослые» из поколения моих родителей, но считаю, что они сыграли серьезную роль. Я думаю, что такие вещи, как изменение климата и неравенство в доходах — проблемы, с которыми люди сталкиваются уже долгое время, но откладывают их решение.

Панк научил меня быть более активным — брать на себя ответственность за мир вокруг себя и прилагать все усилия, чтобы изменить его. Если это наивно и наивность является неотъемлемым признаком молодости, то я всегда буду молодым.

Минусом такого мировоззрения является то, что взрослый внутри меня мучительно осознает неправильные решения и худшие

из возможных исходов. Я знал, что в ту ночь после концерта Анкылым мне будет трудно добраться домой, но я был готов рискнуть.

Когда ночь подходила к концу, Джордж предложил поехать на такси:

— Чувак, от моего дома до тебя всего ничего. Давай поймаем такси, и я доведу тебя до дома.

Я не понимал, знал ли он, насколько я пьян, или просто был хорошим другом. В любом случае его предложение пришлось весьма кстати.

Мы поймали такси, и я сел сзади, слишком пьяный, чтобы связно объяснить что-то водителю. Пока мы кружили по широким улицам Петербурга, все, что я выпил, кружилось вместе с нами. Содержимое моего желудка, вероятно, выглядело как при эксперименте с бутылкой кока-колы, когда крутишь ее, пока не образуется маленькая воронка. Я жил в отдельной квартире — приватность! — где я мог бы сделать свое грязное дело в уединении.

Однако сдержаться не получилось.

«Остановитесь!» — пробормотал я.

Водитель меня не понял, поэтому Джорджу пришлось повторить.

Водитель, похоже, слишком быстро свернул на обочину, и внезапная остановка стала последней каплей для моего желудка. Я распахнул дверь, и меня стошнило.

Что-то попало в машину, но, к счастью, большая часть выплеснулась наружу.

Водитель не рассердился. Наоборот, все время повторял: «Все хорошо, я все уберу, без проблем».

Джордж сказал ему, что я иностранец, и, подозреваю, он догадывался, что я американец. Редкому американскому туристу все прощается.

«Добро пожаловать в Питер, ублюдок!» — прокричал Джордж, когда последние капли блевотины покидали мой рот.

ЭТОЙ НОЧИ МНЕ ХВАТИЛО, ЧТОБЫ ВЫЯСНИТЬ, С КЕМ именно мне следовало побеседовать, чтобы создать законченное повествование о постсоветском городе. К счастью, это была первая и единственная ночь беззастенчивого, необузданного пьянства. Почти каждый вечер я выезжал как минимум на одно интервью, некоторые из них продолжались так долго, что за окончание беседы стоило выпить.

В один из выходных я получил сообщение от собеседника, с которым встречался в Москве, когда приезжал с Кэрри и Томми несколько лет назад. Федди «Бегемот»¹¹, создатель одной из первой в России анархо-панк-групп, вернулся в свой родной Санкт-Петербург и создал студию звукозаписи недалеко от места, где я жил. Федди ненавидел город и старался изо всех сил прожить свою жизнь со всеми удобствами вне городской цивилизации. Москва для него оказалась чересчур. Он купил дачу — около 70 км от Питера, на окраине карельского леса в древнем финском поселении под названием Орьян-Саари. Он пригласил меня в гости на выходные, отдохнуть на свежем воздухе. Это была моя первая и единственная возможность выбраться из города, и я согласился.

Я родом из Новой Англии и знаком с устройством маленького городка, где нет ничего, кроме дежурного универмага, церкви и бесконечных полей и лесов. Федди посадил меня в маленькую красную машину (японскую, праворульную), и сначала мы покатались просто так, для развлечения, а потом отправились в его дачный домик.

11 Федор Лавров (прим. пер.)

Оказавшись там, мы расположились в зоне для шашлыка, где можно сидеть, играть в игры и слушать музыку. Федди практически самостоятельно построил дом и установил для обогрева небольшую дровяную печь. А значит, нам нужно сходить за дровами.

Мы зашли довольно далеко в лес и наткнулись на рухнувшее дерево. Федди достал пилу и топор и указал мне на него.

Пока я пилил и колол дрова, я не мог не думать о моем нынешнем абсурдном положении. Я стоял посреди леса с советской панк-легендой и колол дрова для печки. За сотни тысяч миль отсюда, в Бостоне, моя дочь и ее мать крепко спали. Возможно, я им снился, и они переживали, все ли со мной хорошо. Сюрреалистично. Я закончил внутренний диалог, надеясь, что когда-нибудь моя дочь будет в такой же сюрреалистичной ситуации, только она будет думать о том, что ее отец делает в Соединенных Штатах, пока она где-то далеко.

Федди больше не играл панк. Когда мы вернулись, мы накололи еще дров и послушали старое американское кантри. Он был очарован собственно кантри и блюграссом¹²,

12 Поджанр кантри (прим. пер.)

не чувствуя всей разницы, но пребывая в восторге от звучания. Мы говорили о Хэнке Уильямсе, Grand Ole Opry и The Country Gentlemen. На секунду я и сам поверил, что знаю, о чем говорю.

В советское время Федди столкнулся со многими проблемами из-за того, что играл панк, и надеялся на запоздалое признание. В начале 90-х новое поколение выгнало «ветеранов» со сцены и, к сожалению, Федди был одним из них. Его музыку и проекты 1980-х забыли в пользу более западного и идеалистического панка. Этого оказалось достаточно, чтобы он чувствовал себя потеряннным в субкультуре, которой он помог проложить путь, и он оставил ее.

Это не помешало ему все же оставаться частью панк-братства. Когда Аарон Кометбас¹³ жил неделю у меня в Санкт-Петербурге, я представил его Федди. Две легенды панка одного поколения с противоположных сторон земного шара: один из Калифорнии, другой из советского Ленинграда. Они сразу поняли друг друга, начали делиться историями и идеями и жаловаться на молодое поколение (как будто я там не присутствовал!).

¹³ Барабанщик, автор песен, писатель (прим. пер.)

Тем не менее, все шло круто. Встреча этих двоих являлась моей заслугой и стала самой большой моей гордостью за все время, проведенное в России. Это было не про бизнес, не про выгоду, не про социальную конкуренцию — просто историческая встреча людей из странно похожих миров.

Время с Федди в лесу очень помогло мне отдохнуть от рутинной работы и написания книги. Легко перестать видеть живых людей в своих собеседниках, когда вы начинаете видеть их как возможности или потенциальные активы. В те выходные я понял, что такое Федди, когда он вне панк-тусовки. Нормальный парень с эклектичными интересами, арт-фрик, способный видеть неотъемлемую ценность во всем, что он встречал и чем владел. Это был человек, и человек, достойный уважения.

МОИ ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ прошли неожиданно сложнее, чем я себе представлял. К тому времени я уже достаточно сильно соскучился по дочери, чтобы испытывать настоящую тоску по дому, и собрал достаточно интервью, чтобы начать их

расшифровывать и переводить. Книга наконец начала собираться воедино.

Конечно, тем летом было много вечеров и встреч, которые заслуживают внимания. Например, концерт группы Criminal State (Нижний Новгород), когда полиция отравила всех слезоточивым газом, потому что какие-то идиоты на машине сбили человека в том же переулке, где проходил концерт. Я как раз вышел покурить, а когда докурил и подошел ко входу, навстречу мне выплеснулась толпа.

Моя подруга Кристина остановила меня и вытолкнула из зала. Я начал кашлять как сумасшедший, и она объяснила, что случилось.

Мы прятались, пока полицейские не убрались, а затем побежали на заброшенный завод-сквот через проспект. Там репетировали, а иногда давали концерты некоторые группы. Мы прятались там до 4 часов утра, пока полицейские не перестали наконец кружить по району.

А еще был вечер, когда Алексей из Коматоза вернулся, чтобы отыграть концерт-воссоединение. После шоу он и куча других людей пришли ко мне в квартиру выпить

и повеселиться. Я уговорил две бутылки Bacardi 151 (порог опьянения, который доступен даже не всем россиянам).

По всей России у меня были друзья, которые время от времени у меня останавливались. Некоторые из них удивлялись, что я, будучи иностранцем, знал город лучше, чем они.

Я почти дописал книгу. Я все еще находился в России, но уже закончил со всеми интервью и не считал себя обязанным следовать за каждой возможностью, которая мне подворачивалась. Впервые за долгое время я мог наслаждаться и оглядываться на весь процесс — как я пришел к идее и довел дело до конца.

Наверное, ни в одной субкультуре, кроме панка, нет такого количества людей, которые хотят заявить, что они «внесли свой вклад» в панк, но больше этим не занимаются. Чушь собачья. Панк делает людей сильными и учит критически мыслить. Это позволяет тем из нас, кому нечего терять, создать что-то, что прокладывает путь для изучения и понимания мира и внутреннего «я». Без моего проекта я не встретил бы и половины людей, с которыми познакомился, не попал бы и в половину историй.

Многие едут в Россию, чтобы провести научные исследования или посетить обе ее столицы, но немногие могут похвастаться, что Россия их приняла, что они досконально знают ее метро и улицы. Слишком погруженные в тонкости своего проекта, они не видят сложностей повседневной жизни. Легко романтизировать или ненавидеть место с глубокой и сложной историей, сидя в комфорте гостиницы или хорошего хостела, никогда не испытывая финансовых проблем и не встречая ежедневно тех, кто борется за существование.

Каждый раз, когда я приезжал в Россию, я становился взрослее, как если бы мой внутренний рост прекращался, когда я возвращался домой. Самое сложное теперь, когда книга завершена, заключается в том, чтобы узнать, как взрослеть без этих исследований, без опоры, без поездок в другую страну, которая научила меня быть взрослым.

Эта книга — живое свидетельство моей юности. Она одновременно рассказывает о последних тридцати годах развития панк-рок-культуры в России и представляет собой архивную запись моего третьего десятка лет жизни. Кроме сюжетных ли-

Александр Герберт. Панк в другом измерении

ний и персонажей книга содержит истории, события и уроки лучших моментов моей жизни.

И я рад, что написал ее.

Первоначально напечатано
в Провиденсе, Род-Айленд
@ ALC Copied (Спасибо, Джон!)
Любые запросы, вопросы
или комментарии принимаются
по адресу
punksaround@gmail.com

common place

издательская инициатива / волонтерский
DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Гнозис», «Все свободны», «Кирпич»,
«Подписные издания», «Порядок слов», «Бакен»,
«Пиотровский», «Князь Мышкин», «Никто не спит», «Чарли
books», а также заказать с доставкой на сайте common.place

Александр Герберт

Панк в другом измерении

Байки о написании истории русского панк-рока

Перевод — Ксения Ефремова, Антон Солдатов
Оформление — Евгения Ставицкая

Подписано в печать 29.06.2019

Формат 80x100/32

Тираж 500 экз.

Заказ № 161

commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80